

ЕВА УАЙТ

БИЛЕТЫ В АД

Ева Уайт

Билеты в ад

«Литнет»

2026

Уайт Е.

Билеты в ад / Е. Уайт — «Литнет», 2026

ФИНАЛ ИСТОРИИ Три года назад Мия Рейган похоронила мужа-бизнесмена Адриана, погибшего в автокатастрофе, и сама довела до суда его убийц. Год назад Мия получила дневник покойной мамы и попыталась переосмыслить свою жизнь, попутно установив, что мама умерла не случайно. Теперь она пытается начать жизнь заново с Артуром, лучшим другом Адриана. Но их романтический отпуск в Катаре оборачивается кошмаром: страну охватывают протесты, а в аэропорту среди военных советников Мия видит знакомую татуировку бесконечности, которую уже и не надеялась увидеть...

© Уайт Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	62
Глава 12	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

Пролог

Год назад. Лос Анджелес.

Тень не чувствует холода. Тень не чувствует усталости. Тень лишь наблюдает, впитывая свет чужой жизни, и ждет. Я стал тенью два года, три месяца и семнадцать дней назад. Моим именем теперь был ветер, шуршащий листьями на холмах Дохи, и мерцание экрана в темной комнате, где я жил чужими днями.

Но сегодня я смотрел на нее.

Она стояла у панорамного окна своей новой квартиры в Лос Анджелесе, с чашкой чая в руках, глядя на вечерний город, залитый янтарным светом фонарей и неоном. Мия. Женщина, которая похоронила свое прошлое, произнесла проникновенную речь на поминках и методично, с ледяной яростью, которую я в ней никогда не видел, уничтожила двух человек. Меня и себя. Нас.

Она думала, что мстит. Как иронично вышло, ведь она ничего не знает.

Я помнил отчеты. Как она копала, как пыталась добиться правды сама, как связалась с журналистом, как вышла на старика Аппкота – бывшего врага моего отца – и его дочь, мою секретаршу. Я почти чувствовал гордость, читая сводки. Моя хрупкая Мия, разрывающая паутину, в которой я сам ее запутал. Она добилась осуждения. Закрыла дело. Поставила точку.

Точка была жирной фальшивой кляксой. Настоящие убийцы пили мартини на веранде за тысячу миль отсюда, а я, их главное оружие, наблюдал за своей женой через линзу высокочастотной камеры с дальним радиусом действия.

Ее жизнь без меня была аккуратной, как сценарий хорошей мелодрамы. Новый город, новая работа, но старые друзья друзья. И Артур. Всегда Артур. Мой лучший друг. Мой партнер по фирме. Тихая, преданная тень на заднем плане наших с Мией фотографий. Теперь он был на первом плане. Я видел, как он целовал ее в щеку у подъезда неделю назад. Ее улыбка была настоящей, не той натянутой маской, которую она носила последний год нашего «брака». Это жгло сильнее, чем раны, полученные при попытке спрятаться, защитить ее.

Сегодняшний день был особым. Курьер заявился к ней на порог.

Я видел, как мотоцикл подъехал к ее дому. Подставной курьер, которого она знает очень давно. Он сгорбился, опустил забрало шлема, взял сверток. Внутри лежал красный кожаный блокнот.

Посыльный позвонил в домофон. Я слышал ее голос через направленный микрофон, тонкий, отфильтрованный технологией.

Она вышла на порог, в легких льняных штанах и простой футболке, телефон был прижат к уху плечом. Она о чем-то спорила с грузоперевозчиком по поводу доставки растений из Чикаго. Курьера она не опознала, ведь он здорово изменился за эти два года.

Она машинально расписалась на планшете, не глядя, все еще говоря в телефон: «Нет, не суккуленты, я говорила лаванду...»

Он кивнул, бросил на нее быстрый, полный невыносимой тоски взгляд – взгляд палача на жертву, которую обрек на страдания, – и ушел. Исчез в сумеречном свете, как призрак. Как я.

Она захлопнула дверь, бросила сверток на стол, продолжая разговор. Дневник, ключ ко всему, к правде о ее детстве, о том, почему брак для нее является чем-то опасным, извращенным, болезненным, лежал возле нее, как монотонно тикающая бомба.

Я перевел дух, который застрял где-то в груди. Часть меня хотела крикнуть, выйти из тени, схватить ее за плечи и сказать: «Открой его! Прочти! Пойми, почему ты такая!» Но я был мертв. Мертвые не разговаривают.

Но вот клетка начала трещать. Сначала – суд над не теми людьми. Теперь – дневник из прошлого. Скоро – я.

Мия подошла к окну, обняла себя за плечи. Я видел ее отражение в стекле – хрупкое, раздвоенное между теплым светом комнаты и холодной тьмой ночного города.

Скоро, моя любовь.

Я отодвинулся от окуляра камеры. Боль в ребрах, где сломаны кости так и не срослись правильно, напомнила о себе. Боль была моей реальностью. Она напоминала, кто я. Тень с миссией, призрак с правом собственности.

Я заберу ее обратно. Не потому, что она мне нужна. А потому, что она моя. Самая важная часть постановки, которая стала реальнее любой правды. Я буду играть на ее чувствах, на ее страхах, на ее ностальгии. Я буду ее кошмаром и ее спасением. Я заставлю ее усомниться в Артуре, в Заре, в себе самой.

Лос-Анджелес спал ниже меня, сверкая миллионами слепых огней. Ее свет был среди них. Одинокий, не подозревающий о буре, что надвигается.

Я зашелся тихим, беззвучным кашлем. Дождь, которого так ждала засуха, начинался. Сначала мелкий, почти невесомый. Я вдохнул запах влажной пыли и озон.

Скоро увидимся.

Глава 1

Глава 1

Терминал международного аэропорта Лос-Анджелеса был похож на стеклянную прогретую духовку, где плавилась и смешивались тысячи человеческих судеб под безучастным светом потолочных ламп. Воздух гудел от приглушённых голосов, объявлений на шести языках, скрежета багажных тележек и вечного, фоновое шипения кофейных аппаратов. Мия стояла у панорамного окна, глядя на гигантский лайнер «Катарских авиалиний», который подруливал к трапу, его корпус переливался серебром в предраассветной мгле.

Она сжимала ручку чемодана так крепко, что неровности проступали на ладони, создавая затаённый узор. Для нее это была не просто поездка. Это был ритуал сожжения мостов.

— Судя по твоей осанке, ты собираешься не отдыхать, а штурмовать ад в поисках главного демона, — раздался спокойный голос сзади.

Она обернулась, и напряжение мгновенно растворилось, сменившись тёплой волной, которая начиналась где-то в области солнечного сплетения и расходилась до кончиков пальцев. Арт стоял, держа два бумажных стаканчика с кофе. Его лицо, красивое в классическом понимании — с широкими скулами, прямым носом и слишком выразительным ртом, — было для неё самым знакомым и самым желанным пейзажем на свете. На нём была простая серая футболка и поношенная кожанка, и он выглядел так, будто всегда тут стоял, будучи частью прекрасной картинки, вернее, ее главным акцентом.

— Я просто пытаюсь мысленно упаковать всё, что могла забыть, — сказала она, принимая стаканчик. Пальцы их рук соприкоснулись на долю секунды дольше, чем было необходимо. Лёгкий электрический разряд, привычный и от того ещё более волнующий.

— Это было бы удивительным, если бы ты что-то забыла. Ты составляла список в трёх экземплярах и заламинировала основной, — он улыбнулся, и вокруг его глаз собрались лучики мелких морщинок. Следы среднего возраста, большей частью проведённых со сведенными бровями на напряженной работе. — Расслабься. Это всего лишь две недели песка, солнца и ничего, что напоминало бы о делах, клиентах и... — он сделал паузу, выбирая слово, — прошлом.

Он не сказал «об Адриане». Он почти никогда не произносил это имя вслух. Не из ревности или неприязни. Из уважения к той боли, которую, как он думал, она до сих пор носит в себе.

— Прошлом, — повторила она, отхлебнув горьковатый кофе. — Звучит как диагноз. «Хроническое прошлое». И это не лечится.

— Исправим, — он сказал мягко, но твёрдо. — Смена обстановки, режима дня и полный запрет на воспоминания по вечерам. На правах твоего лечащего врача настаиваю на таком распорядке.

Они направились к стойке регистрации, их плечи иногда касались друг друга в движении. Это восхитительно и пугающе ново. После стольких лет осторожных ужинов, прогулок, разговоров по телефону до рассвета и мучительных, полных невысказанного желания пауз, они наконец сделали шаг. Вернее, она сделала. Он ждал. Он ждал всегда.

Когда Арт сказал, что купил билеты, она даже не понимала, как сильно хочет уехать куда-нибудь далеко, где нет знакомых лиц и привычных улиц.

— Почему именно Катар? — удивилась тогда Мия.

— Потому что ты никогда там не была. Потому что там другой мир. Потому что, — он посмотрел на неё прямо, — там нет ни одного места, которое было бы связано с прошлым. Там только настоящее и надежда на светлое будущее.

Это был типичный для Арта ход — практичный, продуманный и невероятно заботливый. Он выстроил для неё безопасную вселенную, где прошлое не могло настичь её из-за угла знакомой кофейни или в проходе любимого книжного.

Они сдали багаж. Когда девушка за стойкой протянула им посадочные талоны, Мия на миг задержала взгляд на номере рейса: QR 7313. Рейс 7313. В её голове, деформированной работой детектива и предрасположенной на поиск закономерностей, тут же всплыла дата: 7 марта, тринадцатый год их с Адрианом брака. Совпадение. Глупое, бессмысленное совпадение. Но она чувствовала, как холодок пробежал по коже.

— Ты в порядке? — спросил Арт, его брови чуть приподнялись.

— Просто предвкушение, — соврала она, улыбаясь. Ложь давалась ей всё легче. Она становилась мастером по разделению реальностей: одна для мира, одна для Арта, одна — тайная, ползучая — для неё самой, где она продолжала складывать пазл из странных смертей и ненадежных улик.

Они прошли в зал ожидания премиум-класса. Арт устроился в глубоком кресле у окна, достал планшет, проверяя последние письма по бизнесу. Его строительная компания, которую он когда-то начинал с Адрианом, а после его смерти стал основным владельцем акций, держалась на нём одном. Мия наблюдала за ним украдкой. За тем, как он щурится, читая, как его сильные, практически идеальные руки с лёгкостью перелистывают виртуальные страницы. В нём была какая-то монолитная, спокойная сила. Не та показная, агрессивная мощь, что была у Адриана, а глубокая, внутренняя, как фундамент у скалы.

Невольно Мия вспомнила, как он появился на похоронах. Не как скорбящий друг, а как молчаливая опора. Как он помогал ей с бумагами, с завещанием, никогда не спрашивая лишнего, никогда не переступая границы, которую она сама едва ощущала. Его любовь была не огнём, а тёплым, ровным светом, в котором можно было отогреться после долгой зимней прогулки.

И именно эта мысль — о зиме, холоде, который всё ещё кристаллизовался где-то в её глубинах, — заставила её вздрогнуть. Она потянулась за телефоном, будто проверяя сообщения. Хвататься за телефон в напряжении вошло у нее в привычку, так как сталкер молчал, но он явно не закончил свою игру.

Удостоверившись, что новых уведомлений нет, Мия откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза в блаженном ожидании вылета в Доху.

Пятнадцать лет назад.

Мия пришла на вечеринку в честь окончания семестра. Девушка крайне редко посещала такие мероприятия, но в этот раз ее вытащила соседка, отчаянно доказывая, что Мие нужно оторваться. Старый, обшарпанный особняк у кампуса, до отказа набитый студентами, пропахший дешёвым пивом, потом и надеждой. Музыка была в уши тяжёлым басом, сливаясь в сплошной рокочущий гул. Мия, тогда ещё Спенсер, стояла у импровизированной стойки бара, пытаясь донести до перегруженного звуками бармена, что ей нужна просто вода.

Именно тогда он словно материализовался из воздуха — возник, как бы из ниоткуда, разрезав толпу с лёгкостью акулы, рассекающей воду. Адриан. Двадцать четыре года, но уже с взглядом сорокалетнего, оценивающим, присваивающим. Он был не просто красив — он был ослепителен. Идеально подобранная одежда, которая стоила как взнос за целый учебный семестр, часы на запястье, уверенность, исходящая от него почти физически, как тепло от костра.

— Девушка в поисках воды на такой вечеринке либо за рулём, либо представляет для этого места слишком большую ценность. — сказал он, его голос был низким, бархатным, словно специально отточенным для таких моментов.

Мия обернулась. Встретила его взгляд. Янтарные, завораживающие глаза. В них не было веселья, только холодный, заинтересованный расчёт.

— Или ей просто не нравится вкус дешёвого лагеря, — парировала она, заставив себя не отводить глаз.

Он улыбнулся. Улыбка не была похожа на открытую и искреннюю, это был изогнутый полумесяц рта, больше игривый, чем радостный.

— Адриан Рейган, — он протянул руку, чтобы принять у неё стакан с водой, который ей наконец-то налили. Его пальцы коснулись её пальцев. Прикосновение было сухим, прохладным, быстрым. Как у хирурга перед операцией.

— Мия, — сказала она просто.

— Мия, — повторил он, как будто пробуя имя на вкус. — Коротко и сильно. Мне нравится.

Он впечатлял. Он был тем, кого называют «звездой». Сын застройщика, сам уже запускавший маленькие, но прибыльные проекты, окружённый ореолом успеха и лёгких денег. Он говорил умно, шутил остро, его внимание было лестным, как удар тока. Но её сердце... её сердце оставалось спокойным. Оно билось в обычном, ровном ритме, наблюдая за этим спектаклем со стороны.

А потом, через плечо Адриана, она увидела парня. Он пробирался сквозь толпу, неся два стакана с тем самым дешёвым лагером, который она презирала. Его рубашка была слегка помята, тёмные волосы встали дыбом от того, что он запускал в них рукой, но на его лице сияла такая искренняя, добрая улыбка, направленная прямо на неё, что у Мии ёкнуло внутри. Не сильно. Тихо. Как щелчок выключателя в дальней комнате.

— Вот ты где! — крикнул парень, перекрывая музыку. — Я думал, тебя уже в толпе затоптали. Держи, — он протянул ему стакан, совершенно игнорируя Мию. — Осторожно, пена убегает.

Адриан медленно повернул голову, оценивая новоприбывшего. Его взгляд скользнул по помятой рубашке, простым джинсам, открытому лицу. В его глазах мелькнуло что-то — не презрение, а скорее лёгкое недоумение, как будто он увидел диковинное, но абсолютно бесполезное насекомое.

— Это мой друг, — наконец произнес Адриан, и взял стакан из рук Арта.

Артур повернул голову и наконец посмотрел на Мию.

— Артур Айситт, — представился наконец Арт, глядя девушке прямо в глаза, отчего у Мии все внутри перевернулось, — Но все зовут Арт.

— Мия, — просто ответила она, стараясь скрыть волнение.

Арт тут же отвернулся и стал наблюдать за происходящим на танцполе. Адриан же скользил взглядом по Мие и Артуру, словно изучая. Девушка поежилась внутри, ей отчего-то было неловко. Однако Адриан внезапно ухмыльнулся, видимо, своим мыслям. Он, неожиданно для себя, увидел в Арте не соперника — он тогда ещё не считал его достойным соперничества, — но объект, на который была направлена часть внимания Мии. А всё, на что было направлено внимание Мии, автоматически становилось предметом его интереса.

Вечеринка была в самом разгаре. Адриан не отходил от Мии, осыпая её комплиментами и историями, которые звучали как отрывки из гламурного журнала. Арт стоял рядом, пил своё пиво, вставлял реплики, смеялся, но его присутствие было иным. Артур не находился здесь с какой-то целью, и, казалось, совсем не замечал Мию. Он просто был. Как стена дома, к которой можно прислониться, когда устанешь.

Позже, когда Адриан на минуту отвлекся, чтобы ответить на звонок (его модель телефона уже тогда была такой, которую не каждый не мог себе позволить), Арт наклонился к её уху. В нос девушке ударил запах хмеля, мыла и чего-то очень знакомого, родного.

— Блестящий парень, — сказал он просто, как бы произнес общеизвестный факт.

— Да, — согласилась Мия.

— Но скучный до жути, — добавил Арт уже шёпотом, и его губа случайно коснулась её мочки уха.

Она вздрогнула от вспышки тепла, пробежавшей по всему телу. Мия отпрянула, посмотрела на Арта. Он уже отстранился, глядя на Адриана в другом конце комнаты, и на его лице не было ничего, кроме обычного дружелюбия. Но уголок его рта дёрнулся в почти незаметной усмешке.

Именно в тот момент она поняла две вещи. Первая: Адриан Рейган войдёт в её жизнь, потому что таков был его план, потому что он так хотел. А если этот парень чего-то хочет, то он всегда это получает. Вторая: единственный человек, который заставлял её сердце биться неровно, стоял рядом, делая вид, что это всего лишь вечеринка, и что он всего лишь его друг.

Она потупила взгляд, чувствуя прилив смутения. И, отвернувшись, не увидела, как взгляд Арта стал серьёзным, а в его глазах на мгновение отразилась боль. Боль от понимания, что этот блестящий, скучный парень уже выиграл битву, даже не начав её, потому что у него были деньги, влияние и настойчивость, против которых простая, тихая влюбленность была бессильна.

Сейчас.

Самолёт взлетал в предрассветное небо, пронзая слой облаков, которые внизу казались грязновато-серой ватой, а здесь, сверху, превращались в ослепительное, белоснежное море, залитое первыми лучами солнца. Мия прижалась лбом к прохладному иллюминатору, наблюдая, как Лос-Анджелес, её личная тюрьма и убежище, растворяется в дымке, превращаясь в скопление тусклых огней, а затем и вовсе исчезает.

Рядом, в соседнем кресле бизнес-класса, Арт откинул спинку, его веки уже тяжелели. Он всегда засыпал мгновенно, стоило только тронуться с места, — наследие лет изматывающих поездок на строительные объекты. Он оставил промежуток между их подлокотниками. Не расстояние, а просто пространство, которое она могла заполнить или нет, по своему желанию.

Мия не спала. В ушах гудел двигатель, в ритме которого ей чудились слова: «запонка-смерть-ложь-дневник-смерть-ложь». Она закрыла глаза, но под веками сразу же возник образ: бархатная коробочка, распускающаяся, словно зловещий цветок. Она мысленно перебирала факты, как чётки. Запонка Адриана. Исчезнувшая запонка отца Кайла. Убийство её матери. Всё это кружилось, пытаясь сложиться в картину, но центральный элемент — смерть самого Адриана — оставался странным, выпадающим звеном. Она не вязалась в прошлые картины, хоть и дела уже были доказаны и закрыты, а виновные отбывали срок.

А что, если все было не так, как мы увидели? — мысль пронеслась, как струйка ледяного воздуха по тёплому затылку.

Вдруг Адриан решил выйти тогда из игры, а сейчас вернулся? Это было бы похоже на него...

Это была дикая, ничем не подтверждённая гипотеза. Но она цеплялась, как репей. Потому что если это так, то её собственное расследование, её уверенность в его смерти... всё это могло быть частью чьего-то плана. А она, как слепая, шла по проложенной дорожке.

Её дыхание перехватило. Мия открыла глаза, увидела спокойно спящее лицо Арта. Он доверял ей. Он верил в её исцеление, в то, что они начинают с чистого листа. А она... она везла с собой бомбу замедленного действия в виде невысказанной правды.

— Не спится? — его голос, хриплый от дремоты, заставил её вздрогнуть.

Девушка повернула голову. Он смотрел на неё сквозь прищуренные веки, его взгляд был мутным, тёплым.

— Мысли, — сказала она просто.

— Оставь их там, внизу. Они не умеют летать на такой высоте.

Артур помолчал, потом медленно, давая ей время отстраниться, протянул руку и накрыл её ладонь своей. Его прикосновение было твёрдым, реальным, спасательным кругом в бурном потоке её паранойи.

— Арт, — начала она, и голос её предательски дрогнул. — Я... иногда ловлю себя на чувстве, будто я предаю его память. Вот так. С тобой. С этой поездкой. Со счастьем, которое... которое начинает прорастать сквозь всё это.

Мужчина не ответил сразу. Его большой палец начал медленно водить по её костяшкам, рисуя невидимые круги. Это движение было настолько интимным, настолько далёким от дружеского утешения, что по её спине пробежали мурашки.

— Его память, — произнёс Арт наконец, не глядя на неё, а глядя на их соединённые руки, — построена на лжи, Мия. На том, каким он хотел казаться. Ты не предаёшь его. Ты просто перестаёшь играть в его игру. Ты имеешь право на жизнь. На свою жизнь. Не на ту, которую для тебя написали другие.

Он сказал это без намёка на осуждение, просто как констатацию. Но в его словах было что-то, что заставило её насторожиться. «Построена на лжи». «Игра». Словно он знал больше, чем говорил. Или она уже везде видела подтексты и тени заговоров.

— Ты что-нибудь... — она сглотнула. — Ты что-нибудь знал? О нём? О том, каким он был на самом деле?

Вопрос повис в воздухе между ними, внезапно тяжёлый и опасный. Лёгкость исчезла. Арт перестал водить пальцем. Его рука осталась лежать на её, но теперь это было не объятие, а скорее фиксация.

— Я знал, что он делал тебя несчастной, — сказал он очень тихо, глядя ей прямо в глаза. В его синих океанах плескалась давняя, знакомая боль. — Я видел это по тому, как ты угасала год от года. Как свет в тебе тускнел. Я знал, что он контролировал тебя, изолировал от друзей, от... от меня. Я знал, что это не любовь. Любовь так не выглядит. Но это было твоё решение, твой брак. И ты никогда не просила о помощи.

В его голосе звучала горечь. Он злился на себя. На свою неспособность что-то изменить.

— А если бы я попросила? — прошептала она.

— Я бы убил его, — ответил Арт без малейшей дрожи в голосе. Так просто, как говорят о погоде. И в этой простоте была страшная, неопровержимая правда.

Они смотрели друг на друга, и в этот момент между ними не было ни прошлого, ни будущего, только настоящее, заряженное такой силой невысказанного, что воздух, казалось, затрепал от статики. Она видела в нём не просто друга, не просто утешителя. Она видела мужчину, который годами носил в себе тихую, всепоглощающую страсть и ярость, направленную на того, кто причинял ей боль. Она видела того, кто мог бы. Кто, возможно... Нет. Она отбросила безумную мысль. Это был Арт. Её Арт. Он не способен на...

— Но я не убил, ты же знаешь... — сказал он, словно читая её мысли, и лёгкая, печальная усмешка тронула его губы. — Потому что ты бы никогда не простила мне этого. И потому что он, в конце концов, мой... был моим другом. Какой-то частью. До самого конца.

«До самого конца». Фраза прозвучала зловеще. Стюардесса, проходившая по проходу, прервала этот момент, предложив напитки. Они отстранились, словно по команде. Напряжение медленно рассеялось, но осадок остался. Мия откинулась на спинку кресла, чувствуя, как её сердце колотится где-то в горле.

Арт взял у стюардессы бутылку воды, открутил крышку и протянул ей.

— Пей. Ты обезвожена и устала.

Мия послушно сделала глоток. Лёд внутри стучался о грудную клетку.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — Арт снова закрыл глаза, но теперь его лицо казалось усталым, а не расслабленным. — Просто обещай мне одну вещь.

— Какую?

— В этой поездке. Хотя бы в этой потерянной где-то над океаном капсуле времени... будь здесь. Полностью. Со мной. Не с призраками. Не с расследованиями. Со мной.

Артур не открывал глаз. Просто говорил в полутьму салона. И в его просьбе не было требования. Была уязвимость. Почти мольба.

— Обещаю, — выдохнула она. И в этот момент это было правдой.

Мужчина кивнул, удовлетворённый, и через минуту его дыхание стало ровным и глубоким. Мия смотрела на него, на сильные руки, сложенные на животе, на мирное лицо, и её переполняла волна такой нежности и такого страха одновременно, что она сжала подлокотники. Она обещала. Она хотела выполнить обещание.

Мия осторожно, стараясь не разбудить его, достала телефон из кармана куртки, лежавшей на коленях. Включила его в авиарежиме. Открыла фотогалерею. Пролистала несколько снимков — их с Артом, смеющихся на фоне его недостроенного объекта, — пока не нашла то, что искала. Чёрно-белое, слегка размытое фото, снятое ею же со старых газетных микрофильмов в библиотеке. Статья о гибели риэлтора Остина Лоуренса, отца Кайла. Крошечное, плохого качества фото места происшествия. И на краю кадра, на обочине, рядом с ботинком полицейского... крошечный, неясный блик. Кайл был уверен, что это и есть та самая запонка, которую уронил убийца.

Девушка увеличила изображение. Блик превратился в пиксельную абстракцию. Ничего нельзя было разобрать. Она положила телефон на колени и снова уставилась в иллюминатор. Где-то внизу простирался бескрайний Тихий океан, тёмный и бездонный. Самолёт плыл сквозь время и пространство, унося её от одних тайн к другим. А она сидела между двумя мирами: одним — тёплым, живым, дышащим рядом с ней, и другим — холодным, мёртвым, шепчущим ей что-то со дна кармана.

Обещание, которое она только что дала, уже тяготело над ней, как долг, который она, возможно, не в силах выплатить. Потому что призраки, как выяснилось, умеют летать. Им не нужны билеты. Им нужно только место в её голове. И она уже отдала им лучшие места в первом ряду.

Самолёт мягко покачнулся, попав в зону турбулентности. Свет в салоне приглушили. Где-то впереди, за тысячами километров, ждал другой мир — жаркий, чужой, полный песка и незнакомых правил. И она, сама того не зная, везла с собой семя, которое должно было прорасти не в песках пустыни, а в хорошо удобренной почве её собственного прошлого.

Глава 2

Глава 2

Отель «Лазурный берег» вырос из песка, как мираж, слишком идеальный и сверкающий, чтобы быть настоящим. Башни из сияющего известняка и голубоватого зеркального стекла отражали небо и Персидский залив, создавая иллюзию парения над водой. Мия, выйдя из такси, вдохнула воздух, густой от влаги, соли и непривычных пряных ароматов. Здесь не было ни одного знакомого запаха.

Арт расплачивался с водителем, его движения были спокойными, уверенными. Он казался частью этого нового пейзажа, человеком, которого не покидала возбудимость даже в чужом мире. Мия же чувствовала себя вставленной в чужую картинку, актрисой, забывшей текст.

— Готова к открытию Катара? — спросил он, подходя и забирая её чемодан. Его пальцы коснулись её руки, и это простое прикосновение здесь, под палящим солнцем, казалось обжигающим.

— Готова забыть, как выглядит монитор компьютера и папки с делами, — ответила она, стараясь, чтобы в голосе звучала лёгкость.

Лобби отеля поражаало масштабом и пустотой. Высокие, в несколько этажей потолки, гигантская люстра из хрусталя и бронзы и почти полное отсутствие людей. Тишина была дорогой, купленной и тщательно поддерживаемой. При регистрации им предложили прохладный гранатовый шербет и влажные полотенца с запахом огурца и мяты, истинная свежесть в таком душном месте. Арт говорил с менеджером по-английски, но с такими интонациями, будто всю жизнь здесь жил. Мия наблюдала за ним, ловила себя на мысли, как сильно он изменился за эти годы — из растрепанного студента в этого состоявшегося, твёрдо стоящего на ногах мужчину. И как она, замученная и замороженная внутри, теперь пыталась догнать его в этом движении вперёд.

Их люкс находился на двадцать восьмом этаже, с панорамным видом на залив и раскинувшийся в дымке город. Когда дверь закрылась за портье, оставив их в объятиях тишины и пролады кондиционера, напряжение, которое Мия носила в плечах с самого аэропорта Лос-Анджелеса, на мгновение ослабло.

— Ну что, — сказал Арт, подходя к окну. Солнце освещало его профиль, подчёркивая сильную линию челюсти. — Никаких призраков. Только море, песок и ты.

Она подошла к нему, встала рядом. Их отражения были смутными пятнами на ярком фоне залива.

— И ты, — тихо сказала она.

Он повернулся к Мие. Нежно, почти с вопросом, прикоснулся пальцами к её виску, отводя прядь волос за ухо. Его прикосновение было исследовательским, полным такого трепетного внимания, что у неё перехватило дыхание.

— Ты здесь? По-настоящему? — спросил он, глядя ей в глаза.

Вместо ответа девушка поднялась на цыпочки и прикоснулась губами к его губам. Первый поцелуй здесь, в этом новом мире, был не похож на все предыдущие — осторожные, полные невысказанного. Это было медленное, глубокое погружение. Его губы были тёплыми, чуть шершавыми. Он не торопился, давая ей возможность отступить, но она не отступала. Её руки обвились его шею, пальцы вцепились в ткань воротника его рубашки. Он ответил ей с той же мерой — его руки скользнули по её спине, прижимая к себе так плотно, что она почувствовала каждый мускул его тела, каждую выпуклость через тонкую ткань одежды.

Это был не просто поцелуй. Это было заявление. Согласие. Сдача в плен по собственному желанию.

Он оторвался, его дыхание стало прерывистым. Синие глаза потемнели, стали почти черными.

— Мия, — просто сказал он, и в этом одном слове была и просьба, и предупреждение, и обет.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он взял её на руки — легко, как будто она не весила ничего, — и понёс в спальню. Её мир сузился до его запаха — мыла, кожи, чистого хлопка и чего-то неуловимого, лично Артура. Лёд, годами копившийся вокруг её сердца, дал первую трещину с глухим, внутренним звуком.

Он опустил её на огромную кровать с белоснежным постельным бельём, но не навалился на неё, а опустился рядом, продолжая смотреть ей в лицо, как будто читая карту местности, которую долго изучал издалека.

— Мы никуда не торопимся, — прошептал он. — У нас есть целая вечность впереди.

И он начал исследовать её. Не как завоеватель, а как первооткрыватель. Его губы касались уголков её рта, линии скулы, век. Его пальцы расстёгивали пуговицы на её блузке с такой медлительной, почти церемониальной тщательностью, что каждый шорох звучал как удар сердца. Когда ткань разошлась, и его ладонь, широкая и шершавая, легла на её обнажённую кожу у талии, она вздрогнула — не от холода, а от электрического разряда чистого, нефильтрованного желания. Оно было настолько сильным, что граничило с болью.

— Арт, — выдохнула она, и в её голосе прозвучала мольба, которую она сама не ожидала.

Он, кажется, понял всё без слов. Его поцелуи стали увереннее, требовательнее, но в них не было и тени той собственнической жадности, которая так пугала её в прошлом. Это был диалог. Он реагировал на малейшее движение её тела, на каждый её вздох. Когда они наконец остались полностью обнажёнными, в полосе света от не задёрнутых жалюзи, он остановился, чтобы просто смотреть на неё. Его взгляд был полон такого немого восхищения, что ей захотелось плакать.

— Ты невероятна, — сказал он хрипло. — Всё это время. Ты была и будешь невероятна.

И тогда Мия потянула его к себе, позволив накрыть себя целиком, весом, теплом, реальностью. Первое проникновение было медленным, почти невыносимым в своей скорости. Она вскрикнула, впиваясь пальцами в его плечи. Не от боли, а от чувства целостности, которого, как она теперь понимала, у неё никогда не было. Он двигался внутри неё с такой нежностью и такой силой одновременно, что мир за пределами их кровати перестал существовать. Не было прошлого, не было тайн. Было только это: ритм их тел, сплетение дыхания, влажная кожа, прилипающая к коже, и нарастающая волна, которая поднималась из самых глубин её существа, сметая на своём пути осколки льда, страхи, сомнения.

Когда волна накрыла её, она закричала, зарывшись лицом в его шею, чувствуя, как его собственное тело напряглось в финальном, долгом толчке. Они замерли, слившись воедино, и в тишине комнаты был слышен только стук их сердец, постепенно замедляющийся и выравнивающийся в один ритм.

Он не откатился сразу. Он остался в ней, целуя её шею, плечо, шепча что-то бессвязное и нежное. Она гладила его спину, чувствуя под ладонями рельеф мышц, шрам на лопатке — память о падении на стройке в первые годы их бизнеса с Адрианом. И этот шрам, эта примета реальной, прожитой жизни, была для неё дороже любого идеала.

Лёд растаял. На его месте осталась пустота, но не та, холодная и мёртвая, что была после похорон. А другая — чистая, влажная, готовая принять новые условия жизни.

Четырнадцать лет назад.

Мия стояла перед отцом в его кабинете, заставленном дубовыми панелями и трофеями с гольф-полей. Ей было двадцать, и мир казался бесконечным меню возможностей, но почему-то все вокруг уже знали, что она выберет.

Джулиан Спенсер сидел за массивным столом, отложив в сторону очки. Его лицо, обычно замкнутое и озабоченное, сейчас светилось редким одобрением.

— Адриан был сегодня на совете директоров. Блестяще провёл презентацию по новому жилому комплексу. У парня голова на плечах. И характер. Надёжный, как швейцарские часы.

— Папа, ты повторяешь это в пятый раз за неделю, — тихо сказала Мия, глядя в окно на подстриженный газон.

— Потому что это важно! — он ударил ладонью по столу, но без гнева, с напором. — В нашем мире, дочка, важны две вещи: кровь и связи. Рейганы — хорошая кровь. А связи... связи нужно укреплять. Адриан — из хорошей семьи. Будущее у него большое. Николас... он мне как брат. Такой союз был бы идеальным.

Союз. Он говорил это слово так, будто речь шла о слиянии компаний, а не о браке его старшей дочери.

— Он мне нравится, — осторожно сказала Мия. Это была правда. Адриан нравился ей. Он был ярким, внимательным, осыпал её дорогими, но не безвкусными подарками, водил в лучшие рестораны. Он производил впечатление. Но где-то глубоко внутри, в самом укромном уголке её души, жило смутное беспокойство. Его ухаживания были красивыми, но... настойчивыми. Как будто он не просто добивался её расположения, а выполнял план. План, в котором её согласие было неизбежным пунктом.

— Нравится? — отец усмехнулся. — Милая, на «нравится» строят летние романы. А ты строишь жизнь. С ним ты будешь как за каменной стеной. Он обеспечит тебе стабильность, уважение, положение. Что ещё нужно?

Любовь, — подумала она, но не сказала вслух. Само слово казалось сейчас наивным, детским. Она думала об Арте. О его смехе, о его неуклюжих попытках утешить её, когда она ссорилась с отцом, о том, как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит. Но Арт был... Артом. Другом, теперь уже не только Адриана. Неожиданно Артур стал для Мии ещё одним другом, едва ли не наравне с Зарой. Но сын скромного инженера, сам пробивающийся в жизни без капитала и влияния рядом с сияющим Адрианом он казался... обычным. А её учили стремиться к исключительности.

— Я не говорю, что нужно бежать под венец завтра, — смягчил тон Джулиан, видя её колебания. — Но дай ему шанс. Позволь себе влюбиться. Ты увидишь, я прав.

«Позволь себе влюбиться». Фраза засела в голове, как инструкция. Возможно, именно с этого всё и началось. Она решила *позволить*. Закрывать глаза на лёгкий холодок в его прикосновениях, на то, как он иногда перебивал её, на его привычку говорить «*ты будешь носить это*» или «*мы поедem туда*». Она списала это на уверенность. На лидерские качества. Она искала в нём признаки страсти и находила их в его ревности, когда он замечал её разговор с другим мужчиной, в его жадных, порой грубоватых поцелуях, которые он дарил ей на прощание у дверей её общежития. Она убеждала себя, что это и есть сила чувств.

А потом был тот вечер. Ужин в вращающемся ресторане на вершине небоскрёба. Адриан заказал самое дорогое шампанское. Говорил о будущем: о доме у океана, о путешествиях, о том, как она будет самой элегантной хозяйкой светских приёмов. И потом, когда десерт был съеден, он взял её руку и сказал без тени сомнения:

— Мы созданы друг для друга, Мия. Ты это чувствуешь, да? Наше будущее уже написано. Осталось только поставить подпись.

Он не спросил «Ты выйдешь за меня?». Он констатировал факт их совместного будущего. И в тот момент, под влиянием шампанского, блеска огней города внизу и года промывки мозгов от отца, она почувствовала не любовь, а нечто иное — смирение. Или усталость. Или

просто желание наконецсоответствовать чьим-то ожиданиям. Она увидела в нём не мужа, а завершение некоего пути, который за неё уже проложили.

— Да, — тихо сказала она, глядя на сверкающее кольцо с изумрудом, которое он уже держал в руке. — Наверное, ты прав.

Он улыбнулся своей победной улыбкой и надел кольцо ей на палец. Оно было холодным и чуть великоватым. Как будто предназначенным не для неё.

Позже, той же ночью, она плакала в комнате у Арта. Она не могла объяснить, почему плачет, так как только что согласилась выйти замуж за блестящего мужчину, которого, кажется, любит. Арт не спрашивал. Он молча держал её, гладил по волосам, и его сердце под её щекой билось ровно и сильно. И ей хотелось раствориться в этом звуке, остаться здесь навсегда, в безопасности его немой, все понимающей печали. Но она уже надела кольцо. Путь был выбран. И она, заглушив последние сомнения, решила, что это и есть любовь. Просто такая, взрослая и разумная.

Сейчас.

Солнце клонилось к закату, окрашивая залив в цвета расплавленного золота и кровавого апельсина. Мия лежала в огромной ванне на террасе их люкса, поглядывая на Арта, который, стоя у перил, фотографировал вид. Его тело, сильное и знакомое после двух дней почти беспрерывной близости, казалось вырезанным из меди на фоне пламенеющего неба. Она чувствовала лёгкую приятную боль в мышцах, сладкую усталость и странное, непривычное чувство покоя. Мираж начинал казаться реальностью.

Её телефон, забытый на стеклянном столике, завибрировал. Один раз. Потом ещё. Она не хотела двигаться, но привычка — детектива, женщины, живущей в ожидании беды — заставила её выйти из остывающей воды, завернуться в пушистый халат и подойти к столику.

Это были уведомления от новостных агрегаторов. «Беспорядки в промышленной зоне Дохи». «Столкновения с полицией». Она открыла одну из лент. Короткие, безэмоциональные сообщения: группа рабочих устроила акцию протеста у завода, требовали улучшения условий. Полиция применила слезоточивый газ. Ничего экстраординарного для большого города. Но что-то ёкнуло у неё внутри. Не страх перед беспорядками, но что-то другое, более глубокое и личное. Катар. Строительные контракты. Государственные тендеры. Все уважающие себя строительные фирмы работали с Ближним Востоком, так как тут были интереснейшие проекты, дорогие контракты и шанс повысить известность фирмы.

Она подошла к Арту, прижалась спиной к его горячей спине. Он опустил телефон.

— Что-то случилось?

— Протесты где-то на окраине. Мелочь.

— В этом городе ничего не бывает «мелочью», — он обернулся, обнял её за талию. — Но мы в центре, в двадцати восьми этажах над этим. Мы в безопасности.

Она хотела верить. Но когда стемнело, и город зажгёт огни, с южных районов, там, где была промышленная зона, донёсся отдалённый, но недвусмысленный звук — не то взрыв, не то залп. Потом ещё один. Окна люкса мягко задрожали.

Арт нахмурился, подошёл к телевизору, включил международный новостной канал. Картинка была прыгающей, снятой на телефон: тёмные улицы, силуэты бегущих людей, вспышки света. Диктор говорил взволнованно о «вспышке насилия», о «несанкционированных митингах, переросших в столкновения». Потом картинка сменилась на улыбающегося чиновника, который уверял, что ситуация под контролем.

— Проклятие, — тихо выругался Арт. — Нужно следить за обстановкой.

Он начал собирать вещи в сумку, не паникуя, но с осознанной скоростью человека, привыкшего к нештатным ситуациям на стройках. Мия наблюдала за ним, и её охватывало странное ощущение дежавю. Так же быстро и методично она собиралась когда-то, выезжая на слож-

ное задание для клиента. Детективный инстинкт, усыплённый днями блаженства, проснулся и насторожился.

Девушка подошла к своему чемодану, чтобы положить зарядные устройства. И тут её взгляд упал на внутренний карман, куда она в спешке, ещё в Лос-Анджелесе, сунула свой старый блокнот с заметками по делу о смерти матери. Она не стала брать его с собой — оставила в сейфе. Но её пальцы машинально потянулись к тому месту внутри чемодана, где в Лос-Анджелесе лежал конверт с дневником матери. Теперь там ничего не было. Только память о словах: «Она умерла не из-за больного сердца».

В этот момент раздался резкий, пронзительный звук сирены, доносившийся откуда-то с улицы. Не полицейской, а тревожной, похожей на воздушную. Арт замер, прислушиваясь. На телевизоре диктор сменился. Теперь говорили по-арабски, а внизу бежала английская строка: «ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ. ВСЕМ ТУРИСТАМ В РАЙОНАХ... РЕКОМЕНДУЕТСЯ ОСТАВАТЬСЯ В ОТЕЛЯХ... ОРГАНИЗОВАНА ЭВАКУАЦИЯ В АЭРОПОРТ...»

Звонок с ресепшена раздался через секунду. Арт взял трубку.

— Да. Понимаю. Спасибо. — Он положил трубку. Его лицо было серьёзным, но спокойным. — Собирай самое необходимое. Один чемодан ручной клади. Через пятнадцать минут автобусы от отеля в аэропорт. Ситуация «на всякий случай», но затягивать не стоит.

Мия кивнула, действуя на автопилоте. Её мысли метались между необходимостью собраться и нарастающим, иррациональным, но оттого не менее сильным страхом. Она боялась не толпы, не беспорядков. Она боялась аэропорта - скопления людей, военные, контроль.

Пока Арт проверял документы, она подошла к окну в последний раз. Город горел внизу не только огнями рекламы. На юге полыхало уже несколько очагов. Сирены были на разные голоса. Их высокий, безопасный этаж внезапно перестал быть крепостью, а стал ловушкой из стекла и стали.

Арт подошёл сзади, положил руки ей на плечи.

— Всё будет хорошо. Мы просто вылетим пораньше. Я уже попросил достать нам билеты на ближайший рейс.

Мия прислонилась к нему, чувствуя его силу, пытаясь впитать его уверенность. Но в голове у неё стучала одна мысль, ритмичная и неумолимая, как стук колес поезда по рельсам: *Аэропорт. Скопление людей. Военные. Контроль. И я везу с собой только страх. Страх, что прошлое — не то, чем кажется.*

Она закрыла глаза. Два дня рая. И вот ад, который всегда был рядом, всего в шаге, наконец настиг их. Но теперь это был не просто ад политических беспорядков. Это был ад её прошлого, и он, казалось, ждал её именно здесь, в этой блестящей, чужой стране.

Глава 3

Международный аэропорт Хамад напоминал крепость в осаде, в которую в последний момент впустили толпу мирных жителей. Стекло и сталь, символы абсолютного контроля и порядка, теперь служили лишь фоном для чистого, животного хаоса. Зал вылета, обычно стерильный и безлюдный, был забит до отказа. Тела, сумки, детские коляски образовали живую, дышащую, потную массу, которая медленно, как лава, перемещалась от входа к заветным стойкам регистрации. Воздух гудел от плача детей, криков на десятке языков, рёва сирен с улицы и громких, но абсолютно бессильных объявлений на арабском и английском: «Сохраняйте спокойствие. Пожалуйста, следуйте указаниям персонала».

Спокойствие было товаром, который закончился первым. Мия чувствовала, как её ладонь в руке Арта стала холодной и липкой, несмотря на прохладу воздуха и работающие кондиционеры. Он шёл впереди, расчищая путь своим телом, широкими плечами, спокойным, но неоспоримым напором. Он не толкался, просто занимал пространство, и люди инстинктивно отступали. Он был её щитом, её ледачком в этом человеческом море.

— Не отставай, — его голос донёсся до девушки сквозь гул, низкий и ровный, как всегда. — И не смотри никому в глаза.

Она кивнула, хотя он этого не видел. Её взгляд скользил по лицам — искажённым страхом, гневом, растерянностью. Бизнесмены в помятых костюмах прижимали телефоны к уху. Женщины в абаях, обнимая своих детей, смотрели в пространство с пугающей отрешённостью. Группы молодых людей в дорогой спортивной одежде громко требовали объяснений у запертых дверей служебных помещений. И повсюду — военные. Катарские солдаты в бежевом камуфляже, с автоматами на груди, стояли неподвижными островками в потоке, их лица под шлемами были каменными, непроницаемыми. Их присутствие должно было успокаивать, но оно лишь подчёркивало масштаб катастрофы. Это не была рядовая эвакуация.

— Здесь, — Арт остановился у конца змеящейся очереди к стойкам Qatar Airways. До них было метров сорок и, судя по скорости движения, часов пять.

— Мы не успеем, — сказала Мия, и её голос прозвучал чужим, плоским.

— Успеем. Они будут вывозить людей до последнего. Посмотри.

Он кивнул в сторону взлётно-посадочной полосы, видимой через гигантские окна. В свете прожекторов один за другим выруливали и взлетали огромные лайнеры. Картина была сюрреалистичной: внутри — ад паники, снаружи — чёткая, отлаженная работа механизма спасения. Или наоборот — механизм спасения работал снаружи, а внутри уже был ад.

Прошёл час. Очередь продвинулась на десять метров. Мия прислонилась к колонне, чувствуя, как ноги гудят от усталости. Арт стоял перед ней, спиной к толпе, ограждая её своим телом. Его близость, запах его кожи, смешанный с запахом пота и страха, был единственной точкой опоры. Она закрыла глаза, пытаясь отключиться, но вместо темноты перед ней всплывали образы. Не хаос аэропорта, а странное, вывернутое чувство, что все эти нити — смерть матери, бизнес отца, случайная гибель Адриана — каким-то непостижимым образом ведут сюда, в этот аэропорт, охваченный паникой.

— Воды? — голос Арта вернул её в реальность. Он протягивал маленькую бутылочку, купленную у бледного, как привидение, торговца, протиснувшегося сквозь толпу с лотком.

— Спасибо.

Мия отхлебнула тепловатой жидкости. В этот момент где-то впереди, у стоек, раздался взрыв криков. Очередь дрогнула, попятилась. Женский визг прорезал воздух. Солдаты у стоек напряглись, подняли автоматы. Арт мгновенно развернул Мию и прижал к колонне, накрыв её собой. Его дыхание было горячим у её виска, тело — твёрдой, неоспоримой скалой.

— Что случилось? — прошептала она ему в грудь.

— Кто-то попытался пролезть без очереди. Или стюардесса сказала, что рейс переполнен. Не знаю.

Напряжение медленно спало. Солдаты опустили оружие. Визг сменился всхлипываниями. Но атмосфера изменилась. Теперь в воздухе витало не просто беспокойство, а колющее, острое предчувствие насилия. Люди перестали быть просто испуганными туристами. Они стали стаей, готовой разорвать друг друга за место в летающей банке.

— Арт, — тихо сказала Мия.

— М-м?

— Я... я должна была оставить всё это в Лос-Анджелесе. Все эти мысли. Расследования.

Он отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть ей в глаза. В его синих глазах она увидела не упрёк, а глубокую, бездонную печаль.

— Мышление не отключить, как телефон. Оно всегда с тобой. Но ты можешь решить, давать ему власть над тобой или нет. Сейчас, здесь, власть должна быть у нас. У тебя и у меня. Понятно?

Она кивнула. Артур был прав. Но его слова звучали как заклинание против тёмной силы, которая уже поднималась из глубин её памяти, принимая знакомые очертания. Она сжала его руку в ответ, пытаясь зацепиться за эту физическую связь, как утопающий за соломинку.

Ещё час. Их очередь подползла к барьеру, отделяющему счастливых у стоек от остальных. До цели оставалось метров пятнадцать. И тут громкоговорители оглушительно рявкнули, заставив всех вздрогнуть. Объявление звучало сначала на арабском, потом на безупречном, холодном английском:

— «Внимание всем пассажирам. В связи с введением комендантского часа и необходимостью дополнительных проверок безопасности все дальнейшие рейсы временно приостановлены. Просим всех пассажиров с билетами на рейсы J, K, L и Q проследовать в залы ожидания 3 и 4 для инструктажа. За вашими вещами будет обеспечен присмотр. Повторяю: все рейсы приостановлены. Проследуйте в залы 3 и 4».

В наступившей секундной тишине был слышен только гул генераторов. А потом толпа взорвалась. Крики возмущения, плач, ругань. Солдаты сдвинулись, образовав плотный кордон, направляя, а скорее, загоняя людей в указанные залы. Соппротивление было бесполезным.

— Наш рейс — Q, — глухо сказал Арт, глядя на посадочный талон. — Нам нужно идти.

— Что это значит? Инструктаж?

— Значит, что ситуация на улицах хуже, чем показывают. И что они хотят держать нас всех в одном месте, под присмотром. Идём.

Его рука снова нашла её руку, сжала её, и они позволили потоку понести их к широким автоматическим дверям, ведущим вглубь терминала.

Тринадцать лет назад.

Запах старого ковра, пыли и дешёвого кофе из автомата в коридоре. Звук дождя за порогом кампуса. Она стояла на пороге его комнаты, промокшая насквозь, дрожащая, с растекшимся макияжем в шикарном платье. На ней было то самое вечернее платье, в котором она только что отужинала с родителями и Адрианом, обсудив последние детали завтрашней церемонии. Белое, кружевное, похожее на одеяние невесты, которое она уже примерила и повесила в шкаф.

Арт открыл дверь, увидел её, и всё его лицо исказилось от боли. Он не спросил ни слова. Просто сделал шаг назад, впуская её внутрь. Комната была крошечной, заваленной чертежами и моделями мостов. Он вёл ночные курсы, подрабатывал, чтобы оплатить учёбу.

Мия не могла говорить. Слёзы текли по её лицу беззвучно, оставляя тёмные дорожки на лице и собирались на кружеве у горла. Она просто стояла посреди комнаты, бессмысленно глядя перед собой, чувствуя, как внутри неё разрывается что-то важное, невыразимое.

— Мия, — наконец сказал он, и его голос был хриплым от сдерживаемых эмоций.

Это звучало как пароль. Она обрушилась. Тело девушки содрогнулось от рыданий. Он подхватил её, прижал к себе, не обращая внимания на то, что её сырое платье моментально промочило его простую хлопковую футболку. Он держал её, как держат самое дорогое и самое хрупкое существо на свете. Одной рукой обнимал за плечи, другой гладил её мокрые волосы, прижимая её голову к своей груди. Он не говорил «не плачь», не спрашивал «что случилось». Он просто был. Он был её опорой в тот момент, когда весь мир — отец, Адриан, предстоящее великолепное будущее — казался ей враждебным, чужим океаном.

Его сердце билось под её щекой. Сильно, ровно. И с каждым ударом Мия чувствовала, как её собственная паника отступает, сменяясь другой, более глубокой мукой. Мукой от понимания, что она делает. Что завтра она наденет другое белое платье и даст обещание не этому человеку, который держит её сейчас с такой безмолвной, абсолютной преданностью, а другому. Тому, чьё прикосновение никогда не заставляло её чувствовать себя в безопасности, а наоборот — настороженной, как будто она всё время была на экзамене.

— Мне страшно, — наконец выдохнула она, её голос был сорванным, детским. — Так страшно, Арт. Я не знаю почему.

Он ещё сильнее прижал её к себе. Его губы коснулись её макушки. Это был не поцелуй. Это было прикосновение на грани отчаяния.

— Тогда не делай этого, — прошептал он, и в его голосе впервые зазвучала мольба. Голая, незащищённая. — Просто скажи «нет». Убегй. Останься здесь.

«Здесь» означало не его комнату в общежитии. «Здесь» означало с ним. В его мире, простом, честном, лишённом блеска и лжи. Она подняла голову, посмотрела ему в глаза. На синих, прекрасных глазах проступали слёзы. Слёзы мужчины, который никогда не плакал. Который молча сносил насмешки, тяжёлую работу, неудачи. Но который не мог вынести вид её страданий.

В этот момент она могла всё изменить. Один шаг. Одно слово. Но страх был сильнее. Не страх перед Адрианом или отцом. А страх перед неизвестностью. Перед тем, чтобы посметь пойти против плана, написанного для неё другими. Она была воспитана в послушании, как дорогой, хрупкий инструмент, который должен играть свою партию в чужой симфонии.

Мия покачала головой, свежая волна слёз хлынула из её глаз.

— Я не могу. Всё уже решено. Все ждут. Это... это правильно.

Артур замер. Боль в его глазах сменилась чем-то другим — пониманием, а затем медленным, ледяным смирением. Его руки на её спине ослабли, но не отпустили.

— Правильно, — повторил он без интонации. — Значит, так тому и быть.

Он всё ещё держал её, когда её рыдания утихли, сменившись глухой, всепоглощающей пустотой. Он уложил её на свою узкую, неудобную кровать, сам сел на пол рядом, не выпуская её руки. Они не говорили больше ни слова. Он просто сидел, положив голову на край матраса рядом с её плечом, его дыхание раскатывалось волнами тепла по коже Мии. Она же смотрела в потолок, чувствуя, как последние остатки чего-то светлого и настоящего утекают из неё, как вода в песок. А Арт, держа её за руку, чувствовал, как его собственное сердце разрывается на тысячи осколков, каждый из которых навсегда останется с этой женщиной, уходящей завтра в другую жизнь.

Он не пытался её утешить словами. Он просто оставался. До самого утра. И когда первые лучи солнца упали на её лицо, и она открыла глаза, увидев его спящую голову рядом, она поняла, что теряет единственную настоящую вещь в своей жизни. И всё равно встала и ушла, не оборачиваясь, чтобы не увидеть, как он проснётся. Чтобы не услышать, как его сердце, уже разорванное, перестанет биться для неё.

Сейчас.

Залы ожидания 3 и 4 оказались огромными пустыми пространствами, обычно используемыми для VIP-пассажиров. Теперь их заполнили обычные люди, сидящие на полу, прислонив-

шиеся к стенам, окружённые своим ужасом. Освещение было приглушённым, создавая иллюзию спокойствия, которую разрушали вздрагивающие от каждого хлопка двери дети и нервные взгляды взрослых.

В центре зала установили временную сцену с микрофонами. Рядом с ней стояли несколько катарских офицеров в безупречной форме и двое европейцев в гражданском — мужчина и женщина с жёсткими, непроницаемыми лицами. Дипломаты, предположила Мия. Или сотрудники спецслужб.

Арт нашёл место у стены, в относительной тени. Они сели на пол, спиной к прохладному бетону. Он обнял её за плечи, притянул к себе. Она позволила этому случиться, уткнувшись лицом в его шею, вдыхая его запах. Это была их маленькая крепость. Двое против хаоса.

На сцене появился высокий катарский офицер с седыми висками и орденовскими планками на груди. Он представился полковником Вазири и начал говорить тем же безупречным, холодным английским, что и в объявлении. Его речь была отточенной, успокаивающей и абсолютно ничего не значащей. Ситуация стабилизируется. Комендантский час введён для их же безопасности. Рейсы возобновятся, как только позволит обстановка. А пока они должны оставаться здесь, в безопасности аэропорта. Им предоставят воду и питание. Просят сохранять терпение и следовать инструкциям.

— Инструкции, — пробормотал Арт себе под нос. — То есть сидеть смирно и не задавать вопросов.

Мия не ответила. Её внимание привлекла боковая дверь в зал. Она открылась, и внутрь вошла ещё одна группа, но не катарские военные. Это были европейцы и американцы, судя по выправке и манере держаться. Они были в камуфляже, но без опознавательных знаков, только маленькие флажки на плечах — Великобритания, Франция, США. Военные советники. Или частные военные подрядчики. Их лица были скрыты темными стеклами шлемов, они медленно вращали головами, оценивая обстановку с холодной профессиональностью людей, привыкших к горячим точкам.

Полковник Вазири кивнул им, жестом приглашая подняться на сцену. Группа начала движение через зал. Люди расступались перед ними, как перед силой природы.

Мия опустила взгляд. Смотрела на свои руки, на сцепленные пальцы. Не хотела видеть эти лица. Они были частью мира насилия и секретов, мира, от которого она пыталась сбежать.

Она услышала тяжёлые, мерные шаги ботинок по полированному полу. Группа проходила в метре от них. Её взгляд упал на эти ботинки — пыльные, поношенные, но качественные. Потом на камуфляжные брюки, подтянутые шнурком у лодыжки. Она подняла взгляд чуть выше, на руки, висящие вдоль тела. Крупные, с выступающими костяшками, на одной — шрам через тыльную сторону. Знакомый шрам.

Сердце её пропустило удар, потом начало колотиться, как сумасшедшее. Медленно, против своей воли, как во сне, когда не можешь пошевелиться, она подняла голову выше. Камуфляжная куртка, расстёгнутая на молнии, под ней — серая футболка, обтягивающая мощный торс. Шея. Сильная, с выступающими сухожилиями. Линия челюсти, проступающая из-под шлема... чёткая, решительная, с маленькой, едва заметной впадинкой на подбородке.

Нет. Это невозможно. Это галлюцинация. Усталость. Паника.

Человек слегка повернул голову, снимая шлем и что-то говоря своему напарнику. И в этот момент свет сверху упал на его левый профиль. На выбритую, почти до синевы кожу за левым ухом. И на то, что было вытатуировано там.

Чёткий, графичный, чёрный знак бесконечности. Лента, перекрученная в виде восьмёрки. Совершенная в своей простоте и символизме. Адриан ненавидел татуировки. Считал их вульгарными. Но однажды, в пьяном угаре после какой-то крупной сделки, он сказал: «Если бы я стал что-то набивать, то только одно — знак бесконечности. Чтобы все знали: то, что моё,

останется моим. Навсегда. Вне времени. Даже вне смерти». Они тогда смеялись. Мия думала, это просто алкогольная бравада.

Теперь этот знак горел на коже живого человека. На коже человека, который должен был три года лежать в могиле на кладбище Чикаго.

Кровь отхлынула от её лица, ударив в ноги. Мир вокруг — шум зала, голос полковника, дыхание Арта — отдалился, стал приглушённым, как из-под толстого слоя воды. Она замерла, не в силах пошевелиться, оторвать взгляд от этого маленького, чёрного, неуместного здесь знака.

Человек — призрак, муж, труп — прошёл мимо и поднялся на сцену. Он стоял там, слегка отставив ногу, скрестив руки на груди, и его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по толпе. Он смотрел поверх голов, как командир, оценивающий ресурсы. Его глаза, те самые янтарные, почти золотые глаза, были живы. В них не было ни смерти, ни покаяния. В них была власть. И ярость, тщательно скрываемая под маской профессиональной отстранённости.

Мия сидела, превратившись в статую из льда. Её рука, лежавшая на колене Арта, судорожно сжалась, ногти впились в ткань его джинсов.

— Мия? — голос Арта донёсся до неё сквозь вату. — Мия, что с тобой? Ты белая как полотно.

Она не могла ответить. Она могла только смотреть на сцену. На живого мертвеца. На её прошлое, восставшее из песка в самом сердце кошмара. И в этот момент их взгляды встретились.

Его глаза, скользящие по залу, на секунду остановились на ней. Не было ни удивления, ни радости, ни потрясения. В них вспыхнула мгновенная, ослепительная искра узнавания, а затем — сокрушительная, всепоглощающая ярость. Ярость, направленная не на ситуацию, не на хаос. На неё. И на руку Арта, лежащую у неё на плече.

Длилось это доли секунды. Потом его лицо снова стало непроницаемой маской. Он отвёл взгляд, повернулся к полковнику, что-то сказал. Но для Мии мир уже перевернулся. Пол, стены, тысячи людей — всё это рухнуло, обнажив единственную, простую, невозможную правду.

Адриан был жив. И он был здесь. А она и Арт оказались в ловушке не просто политического кризиса. Они оказались в ловушке, расставленной специально для них. Или это была судьба, которая наконец-то настигла её, чтобы потребовать расплаты за три года ложного покоя, за попытку украсть у мёртвого то, что, как он считал, принадлежало ему навеки.

Лёд, растаявший всего несколько суток назад, снова обосновался вокруг её сердца, сдавил его стальными тисками. И в этой ледяной пустоте зародился новый, чудовищный страх. Не за себя. За Арта. Потому что в глазах Адриана она прочла не только ярость. Она увидела приговор.

Глава 4

Время замедлилось, превратилось в густой, тягучий сироп, в котором Мия увязала с каждым ударом своего бешеного сердца. Она сидела, прижавшись к прохладной стене, и не могла оторвать взгляда от сцены. От фигуры в камуфляже, которая сейчас обсуждала что-то с полковником Вазири, склонив голову набок, и этот жест, этот наклон головы — он был таким знакомым, таким личным, что её желудок сжался в тугой болезненный узел.

Арт почувствовал её напряжение. Его рука на её плече осторожно сжала плечо девушки, чтобы привести ее в чувство.

— Мия, дыши. Ты вся дрожишь.

Он последовал за её взглядом. Увидел группу советников. Ничего особенного. Профессионалы в кризисной ситуации. Он не видел человека. Он не видел лица. Для него это были просто люди в форме.

— Лицо, — выдохнула она, и это слово вырвалось хриплым, чужим звуком.

— Чьё лицо?

Мия не ответила. Она не могла. Её разум отчаянно пытался найти логическое объяснение. Галлюцинация. Сходство. Психоз на почве стресса. Но её тело, её инстинкты, выточенные годами жизни с этим человеком, кричали о правде. Это был он.

Адриан закончил разговор с полковником, кивнул и сделал шаг назад, чтобы занять место рядом с другими советниками. Его взгляд, холодный и оценивающий, снова поплыл по залу. Он искал, словно радар. Он проверял. Он знал, что она здесь. Их взгляды встретились всего на миг, но этого было достаточно.

Арт, обеспокоенный её молчанием, слегка приподнялся на локте, чтобы лучше видеть сцену. Он повернул голову. И в этот момент Адриан, как будто почувствовав движение, плавно повернул свою.

Их взгляды встретились.

Арт замер. Вся его поза, всё его существо, секунду назад настроенное на защиту и утешение, окаменело. Он не дёрнулся, не ахнул. Он просто застыл, как дикое животное, внезапно увидевшее хищника, чьё присутствие в этих лесах считалось невозможным. Его пальцы на плече Мии разжались, но он не убрал руку.

На лице Адриана не было ни тени эмоции. Ни шока от встречи с лучшим другом, которого он не видел со дня своей мнимой смерти. Ни намёка на радость или облегчение. Его янтарные глаза, всегда такие выразительные в гневе или притворной нежности, теперь были плоскими, как лава в жерле вулкана, которая только готовится вырваться наружу. Он смотрел на Арта. Потом его взгляд медленно, с непередаваемым презрением, сполз на руку Арта, всё ещё лежавшую на Мии, на её фигуру, прижавшуюся к нему в поисках защиты. Он видел картину целиком: их позы, интимность расстояния, ореол совместного пережитого ужаса, который связал их крепче любых слов.

И вот тогда, в глубине этих плоских, янтарных озёр, вспыхнуло пламя. Не ярость взрыва, а холодная, беззвучная, но уже булькающая ярость вулкана, который только начал просыпаться. Это была ярость собственника, увидевшего свою собственность в чужих владениях. Ярость режиссёра, обнаружившего, что актёр забыл свою роль и начал жить своей жизнью. В его взгляде не было вопроса «как?» или «почему?». Был только безмолвный, неоспоримый приговор и понимание того, насколько далеко всё зашло. Насколько его собственность — потому что Мия для него никогда не была ничем иным — осмелилась перейти в чужие руки. В руки того, кого он считал ниже себя, слабее, несущественнее, ведь Артур всегда был в его тени.

Этот взгляд длился, может быть, три секунды. Но для Мии и Арта он растянулся на вечность. В нём был зашифрован весь их прошлый треугольник: дружба двух мужчин, построен-

ная на неравенстве, немое обожание Арта, терпеливое и безнадежное, и владение Адриана, уверенное и разрушающее. И теперь, в этой новой, невозможной реальности, где Адриан был жив, а Арт занял его место, всё это всплыло на поверхность, отравив воздух между ними.

Адриан первым прервал контакт. Он медленно, нарочито небрежно отвел глаза, как будто увидел что-то незначительное, даже немного скучное. Он повернулся к своему напарнику, что-то сказал, и уголок его рта дернулся в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку. Это было хуже, чем крик. Это было демонстративное игнорирование. Он их видел. Он их оценил. И он вынес вердикт, который пока не озвучил.

Арт опустил взгляд. Он медленно, очень медленно убрал руку с плеча Мии. Не потому, что испугался, а потому что осознал: эта связь, эта близость сейчас — мишень. Его лицо стало маской из гранита. Все мягкие линии, которые появились между ними за эти дни в Дохе, исчезли. Перед Мией сидел не любовник, не друг. Сидел солдат, увидевший противника.

— Это не может быть он, — тихо, без интонации, проговорил Арт, глядя в пространство перед собой.

— Это он, — прошептала Мия. Её голос звучал хрипло. — Знак. За ухом. Он говорил...

— Знаки можно подделать. Лица бывают похожи. Он мёртв, Мия. Мы похоронили его.

— Мы похоронили не того! — вырвалось у неё, и она тут же стиснула зубы, чувствуя, как её вот-вот вырвет.

Арт наконец посмотрел на неё. В его глазах бушевала буря: недоверие, надежда, что это кошмар, и леденящее понимание, что это правда. Потому что он тоже видел этот взгляд. Этот уникальный, неподдельный взгляд полного владения и холодной ярости. Этому нельзя было научиться. Это можно было только прожить.

— Зачем? — единственное, что он смог выдавить из себя.

Мия покачала головой. Слезы, которые она не чувствовала, текли по её щекам. Она не знала. Но обрывки мыслей — дневник матери, бизнес отца, государственные контракты, протесты, оружие — начали складываться в чудовищную, но логичную картину. Его смерть была инсценировкой. Для чего? Чтобы исчезнуть. Чтобы войти в другой мир. Мир теней и контрактов, где Адриан Рейган, блестящий бизнесмен, был мёртв, а на его месте родился кто-то другой. Кто-то с татуировкой бесконечности за ухом.

И они, по злой иронии судьбы, приехали прямо в эпицентр его нового царства.

Двенадцать лет назад.

Их спальня в первом доме, который Адриан купил на свои, как он гордо заявлял, деньги. Всё было в оттенках белого и серого, выдержанное в стиле дорогого отеля. Ничего лишнего. Ничего от Мии. Её вещи тихо занимали угол гардеробной и одну тумбочку. Он считал, что у неё плохой вкус.

Год после свадьбы. Внешне — сказка. Фотографии в глянцевых журналах: «Молодая пара мечты». «Адриан Рейган и его прекрасная жена Мия на благотворительном гала-вечере». Она в платье, которое он выбрал, с причёской, которую он одобрил, с улыбкой, которую он репетировал с ней перед выходом. Она научилась этой улыбке. Лёгкий изгиб губ, чуть приподнятые брови, взгляд чуть поверх голов людей. Отстранённый, но дружелюбный. Идеально.

Дома звучала тишина. Не мирная, а густая, тяжёлая, как суспензия от кашля, но кашель никак не проходил. Он работал допоздна. Приходил, пропитанный запахом дорогого виски и чужих женских духов (офисными ароматизаторами, уверял он). Спрашивал, как прошел её день. Выслушивал односложный ответ. Иногда рассказывал о своих победах. Потом наступала очередь супружеского долга.

Адриан не был груб. Он был методичен. Как будто занимался спортом или проводил важную деловую встречу. Он подходил к Мие, когда она уже лежала в постели, читала. Отнимал книгу, клал на тумбочку. Его прикосновения были уверенными, быстрыми. Он знал, как её тело должно реагировать. Или ему так казалось. Он целовал её, и его поцелуи были властными,

требовательными, они не спрашивали разрешения, они его предполагали. Его руки скользили по её коже, не лаская, а проверяя, как проверяют качество товара. Каждый раз она чувствовала, как внутри неё что-то сжимается, уходит вглубь, прячется.

— Расслабься, — говорил он сквозь поцелуй, и в его голосе звучало лёгкое раздражение. — Ты моя жена. Ты должна всегда этого хотеть.

И она пыталась. Закрывала глаза и представляла... Она никого не могла представить на этом месте. Это было бы предательством её брака, её выбора. Она представляла абстрактные образы: океан, пламя, что угодно, лишь бы отключиться от реальности его рук, его тяжёлого дыхания, его тела, которое сливалось с ее естеством не как долгожданное соединение, а как акт утверждения власти. Это было пусто, а иногда даже больно. Как будто он забирал у неё кусочек её самой каждый раз, и на его месте оставалась только холодная, тёмная дыра.

После этого он обычно засыпал почти мгновенно, повернувшись к ней спиной. Мия лежала и смотрела в потолок, чувствуя себя опустошённой, использованной и чудовищно одинокой. А потом начинала мысленный ритуал самоуβεждения. «Он устал. У него много стресса. Он обеспечивает тебя всем. Он любит тебя по-своему. Это и есть взрослая любовь. Страсть — для подростков. У вас — партнерство, зрелые отношения.» Она повторяла это как мантру, пока сон не смыкал над ней свой темный туман.

Утром он мог быть другим. Принести ей кофе в постель. Рассказать смешную историю. Поцеловать в лоб. И в эти моменты она цеплялась за эту каплю псевдонежности, как умирающий за свои воспоминания. Это позволяло ей продержаться до следующего вечера. До следующего акта методичного, безэмоционального потребления.

Однажды она попробовала заговорить.

— Адриан, мне кажется... мне бы хотелось больше нежности. Больше времени, чтобы хотя-бы просто поговорить.

Он посмотрел на неё поверх экрана ноутбука, его брови удивлённо поползли вверх.

— Нежности? Дорогая, у нас всё есть. Дом, деньги, статус. Ты хочешь романтики? Купи себе любое украшение. Или давай поедem на выходные в Париж. Я организую.

— Я не об украшениях или Париже! Я о... нас.

Он отложил ноутбук, вздохнул, как терпеливый учитель.

— «Мы» — это ты и я. И всё, что есть у меня, есть и у тебя. Мои победы — твои победы. Моя сила — твоя защита. Чего ещё тебе нужно? — он подошёл, взял её за подбородок, заставил посмотреть на себя. — Не выдумывай проблем, Мия. У нас идеальный брак. Не порти его детскими глупостями.

Его взгляд был твёрдым, не оставляющим места для возражений. Она отступила. Сказала себе, что он прав. Что она глупа, неблагодарна, что хочет слишком многого. Что эта пустота внутри — её проблема, её недостаток. Она убедила себя, что это и есть любовь. Любовь как факт. Как контракт. Как красивая, прочная клетка, которую она сама выбрала, войдя в неё под руку с отцом и под восхищённые взгляды гостей.

Теперь, глядя на его живую, дышащую фигуру на сцене, она понимала. Это никогда не было любовью. Это было владением. И знак бесконечности за его ухом был не романтической глупостью, а клеймом. Его личным клеймом на мире, который он считал своей собственностью. И на ней.

Сейчас.

Полковник Вазири закончил инструктаж. Людям раздали бутылки с водой и какие-то энергетические батончики в нейтральной упаковке. Создавалась иллюзия заботы. Но солдаты у выходов не расходились. Двери оставались закрытыми. Они были в заложниках у обстоятельств. А Мия — в заложниках у призрака.

Она сидела, закусив губу до крови, пытаясь совладать с паникой. Нужно было думать. Планировать. Но мозг отказывался работать, выдавая лишь обрывки: *жив, жив, он жив*.

Арт сидел рядом, неподвижный, его взгляд был прикован к полу, но она чувствовала, как всё его тело напряжено, как пружина. Он обрабатывал информацию. Он искал выход. Он был практиком, человеком действия. Для него факт «Адриан жив» менял всё. Но пока он не понимал, как именно.

В кармане её джинсов, прижатый к бедру, тихо завибрировал телефон. Один раз. Коротко. Обычное уведомление. Она машинально потянулась за ним, её пальцы были онемевшими, непослушными.

Экран загорелся. Но это было не обычное сообщение. Фон интерфейса был чёрным. Текст — кислотно-зелёным, шрифтом, которого не было в её стандартных настройках. Сообщение пришло не через SMS или мессенджер. В верхней части экрана горел значок замка и аббревиатура, которой она не знала: «СЦКС-Prot». Защищённый канал.

Она прочитала текст. Сначала не поняла. Потом прочитала ещё раз. И её мир, уже треснувший и покосившийся, рухнул окончательно.

Не двигайся. Не кричи. Улыбнись Артуру. Скажешь, что тебе плохо, и пойдёшь в медпункт. Одна. Или он пострадает прямо здесь. Сейчас.

Текст был на английском. Без подписи. Без угроз, кроме одной, абсолютно конкретной. Фраза «пострадает прямо здесь» обожгла её мозг яркой, кинематографичной картинкой: Арт, хватающийся за грудь, падающий на грязный пол, кровь, растекающаяся по белому мрамору, крики, а над ним — бесстрастные лица солдат, один из которых — его старый друг, её мёртвый муж, — будет смотреть на это с холодным интересом.

У Мии не было ни секунды на сомнения. Ни на обдумывание, реален ли этот розыгрыш, может ли Адриан осуществить это здесь, среди сотен людей. Он мог. Он здесь был властью. Он был среди военных. У него были люди. Он только что доказал, что контролирует даже её телефон.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Уголки её губ задрожали, затем медленно, мучительно поползли вверх, формируя нечто, отдалённо напоминающее улыбку. Она повернула голову к Арту. Его взгляд встретился с её оливковыми глазами. Он увидел эту улыбку, эту жуткую, застывшую маску на её белом как мел лице, и его глаза сузились от немого вопроса.

— Арт... — её голос звучал тонко, сбивчиво. — Мне... мне плохо. Голова кружится. Я, кажется, сейчас упаду.

Он мгновенно наклонился к ней, его рука потянулась ко лбу.

— Ты ледяная. Мне позвать врача?

— Давление, наверное. Нужно... нужно прилечь, но не в зале. Я хочу пройти в медпункт.

— Я пойду с тобой, — он уже начал подниматься.

— Нет! — её крик вырвался резче, чем она хотела. Она снова попыталась улыбнуться, чувствуя, как её лицо вот-вот развалится на куски. — Нет, оставайся здесь. Займи наше место. А то... а то потом не сядем. Я одна дойду. Медпункт, как сказали в инструктаже, у выхода 4Б. Я видела указатель.

Она говорила быстро, бессвязно, поднимаясь на ватных ногах. Её колени подкашивались. Арт встал вместе с ней, его лицо было искажено беспокойством.

— Мия, я не могу отпустить тебя одну в таком состоянии.

— Ты должен! — она прошептала отчаянно, хватая его за руку. Её пальцы впились в его запястье. — Пожалуйста. Останься. Для меня. Это важно.

Она посмотрела ему в глаза, пытаясь передать всё, что не могла сказать: что это приказ, что это ловушка, что его жизнь зависит от его неподвижности. Видела, как в его серых глазах борются забота, недоверие и растущее понимание, что происходит что-то не то. Что-то страшное.

Артур замер. Его взгляд скользнул за её спину, к сцене, где Адриан, казалось, совершенно не интересуясь происходящим в зале, изучал карту на планшете. Потом снова вернулся к её лицу. И в его глазах что-то щёлкнуло. Озарение. Ужас. Смирение.

— Хорошо, — тихо сказал он. Его голос был абсолютно плоским. — Иди. Я буду ждать здесь. Ровно здесь. Возвращайся быстро.

Это была его капитуляция. Его согласие на правила игры, которые он ещё не понимал, но уже чувствовал кожей. Она кивнула, не в силах больше ничего сказать, разжала пальцы и, шатаясь, пошла вдоль стены к указателю «Медицинский пункт / First Aid».

Она чувствовала на себе взгляд Арта. И чувствовала другой взгляд — тяжёлый, неотрывный, согревающий ей спину, как прицел снайперской винтовки. Она не оборачивалась. Она шла, подчиняясь невидимому поводку, как хорошо дрессированное животное. Каждый шаг отдалял её от Арта, от безопасности, от надежды. Каждый шаг приближал к призраку, который вышел из могилы, чтобы забрать своё.

В ушах у Мии звенело. Сообщение на экране телефона, которое она всё ещё сжимала в потной ладони, пылало зелёным огнём в её сознании. Это был не просто приказ. Это был ритуал передачи. Возвращения собственности законному владельцу.

И она, заложница бесконечности, которую он для себя выдумал, покорно шла на встречу.

Глава 5

Медпункт располагался в боковом крыле терминала, за звуконепроницаемой дверью с белым крестом. Тишина здесь была иной — не тревожной, а стерильной, клинической. В воздухе витал запах антисептика и пыли, застоявшейся в вентиляции. Белые стены, пластиковые стулья вдоль них, закрытая шторой процедурная, пустая стойка регистрации. Ни врачей, ни медсестёр. Никого.

Мия остановилась посреди этого белого безмолвия, её дыхание звучало громко и неровно. Адреналин, заставивший её дойти сюда, начал отступать, оставляя после себя леденящую пустоту и нарастающую, ядовитую волну гнева. Он жив. Он посмел инсценировать свою смерть. Он бросил её в эту ложную жизнь траура и обрек на судьбу вдовы, заставил пройти через расследование, через пустоту, через боль, которая, как теперь выяснялось, была абсолютно бессмысленной. А теперь, когда она наконец-то нашла в себе силы сделать шаг к счастью, он материализовался из небытия, чтобы отнять и это.

Её руки сжались в кулаки. Ногти впились в ладони, и эта боль, острая и реальная, отрезвляла девушку. Нет. Она не позволит ему это сделать. Не позволит снова загнать себя в клетку. Она не та запуганная девчушка, вышедшая замуж по приказу отца. Она пережила его смерть. Она стала детективом. Она научилась смотреть в глаза опасности. И сейчас, в этой пустой, безлюдной комнате, она решила: она даст ему отпор. Скажет ему всё, что копилось годами. Наглость его появления, его властный тон в сообщении — это было слишком. Он должен был объясниться. Он должен был упасть на колени с извинениями, а не отдавать приказы.

Мия выпрямила спину, подняла подбородок. Собралась с мыслями, готовя речь. «Как ты посмел?», «Ты мёртв для всего мира и для меня в том числе», «Наши отношения закончились в день твоей мнимой смерти». Она повторяла эти фразы про себя, наполняя их силой, пытаясь заглушить дрожь в коленях.

Тишину нарушил лёгкий скрип. Не дверь в приёмную. Другой двери — той, что вела, предположительно, в подсобное помещение или кабинет врача. Она была приоткрыта, и теперь распахнулась полностью.

Адриан вышел оттуда бесшумно, словно призрак. Он уже снял камуфляжную куртку, остался в серой, обтягивающей футболке, подчёркивавшей рельеф плеч и груди. На поясе — кобура с пистолетом. Он закрыл дверь за собой, повернул ключ, положил его в карман. Всё это он делал не глядя на неё, как будто она была частью обстановки, которую нужно было исследовать. И только покончив со всеми дверями, Адриан поднял на неё глаза.

И вся её решимость, все приготовленные гневные слова рассыпались в прах. Не потому, что она испугалась. Потому что в его взгляде не было ничего из того, на что она рассчитывала. Ни тени вины, смущения, раскаяния. Даже той холодной ярости, которую она видела в зале, сейчас не было. Было что-то гораздо более страшное — абсолютная, непоколебимая уверенность. Уверенность хищника, который вернулся на свою территорию и нашёл на ней чужака. И сейчас он собирался восстановить порядок.

Он не стал ничего говорить. Медленно, с небрежной грацией крупной кошки, он пересёк комнату. Его шаги по линолеуму были бесшумными. Мия застыла, её тело напряглось для борьбы или бегства, но он прошёл мимо к стойке, прислонился к ней, скрестив руки на груди. И только тогда его взгляд скользнул по девушке с головы до ног — медленный, оценивающий, как будто он проверял состояние своего имущества после длительной сдачи в аренду.

— Ну что, — наконец произнёс он. Его голос был тем же бархатным баритоном, но теперь в нём появились новые тона — хриловатые, искалеченные песком и дымом. — Объясни мне. Объясни, как ты, будучи моей женой, оказалась здесь, в обнимку с моим лучшим другом.

Это был не вопрос. Адриан требовал отчет с неверной супруги тоном, каким он говорил с подчинёнными, допустившими промах. Такая позиция Адриана в этой ситуации вывела её из ступора.

— Твоей женой? — её собственный голос прозвучал резко, срываясь на высокой ноте. — Ты мёртв, Адриан. Три года как мёртв. Я тебя похоронила.

— Детали, — он отмахнулся, как от назойливой мухи. — Я задал конкретный вопрос. Ты и Артур. Как давно это продолжается?

Её гнев, наконец, прорвался наружу.

— Это не твоё дело! Ты не имеешь права! Ты солгал мне. Ты солгал всем! Зачем? Ради этой... этой игры в солдатики? — она махнула рукой в сторону его камуфляжа.

Он не ответил. Его лицо оставалось непроницаемым. Мужчина просто оттолкнулся от стойки и сделал шаг к ней. Она инстинктивно отступила, пока её пятки не упёрлись в стену. Пространство комнаты, секунду назад казавшееся пустым, теперь сжалось до размеров клетки. Он подошёл вплотную, не касаясь Мии, но его тело излучало такое плотное, агрессивное тепло, что её кожа заныла.

— Ты права, — тихо сказал он, и его дыхание коснулось её лба. — Это не игра. Это война. А на войне есть потери и... стратегические отступления. Моя смерть была необходима. Для дела. Для нашего будущего.

— Нашего? — она фыркнула, пытаясь скрыть охватившую её дрожь. — У нас нет никакого «нашего». Ты выбрал свой путь. Один. Оставив меня разбираться с последствиями.

— Я всегда заботился о тебе. Все счета оплачены, значительная часть моей компании принадлежит тебе. Ты не нуждалась.

— Я нуждалась в правде! — выкрикнула она.

Наконец, Адриан улыбнулся. Это была не та улыбка, что раньше, — блестящая, демонстративная. Это было холодное, безрадостное растяжение губ.

— Правда, — повторил он, как странное слово. — Правда — это роскошь, которую не каждый может себе позволить. Особенно ты, Мия. Ты должна помнить наше соглашение. Ты, лучше чем кто-либо, должна понимать, почему некоторые вещи нужно скрывать.

«Соглашение». Это слово повисло в воздухе, тяжёлое и многослойное. Оно отозвалось эхом в её памяти не конкретным воспоминанием, а чувством — тёмным, вытесненным, связанным со страхом и обязательствами, о которых она никогда ни с кем не говорила. С тем, что всегда висело между ними невысказанным.

Он не стал ждать её ответа. Его рука, быстрая и точная, как удар змеи, вцепилась ей в подбородок, прижав голову к стене. Не больно, но и не с нежностью и трепетом разлуки. Просто твёрдо и безвозвратно.

— Молчи, — скомандовал он шёпотом. — Тебе не нужно говорить. Тебе нужно вспомнить. Кто ты. Чья ты.

Мужчина нависал над Мией. Она зажмурилась, пыталась отвернуться. Но его губы нашли её не для поцелуя, а для маркировки. Он прижался к её губам с такой силой, что её зубы вонзились в внутреннюю сторону её же губы, и во рту появился солоноватый привкус крови. Это был акт не страсти, а владения. Он вёл себя как животное, помечающее территорию своим запахом. Его язык грубо вторгся в её рот, исследуя, утверждая своё право. Она попыталась оттолкнуть его, но его свободная рука обхватила её за талию, прижала к себе так, что рёбра затрещали. Она почувствовала под тонкой тканью его брюк твёрдую, безжалостную эрекцию. В его действиях не было ни желания, ни тоски по супруге. Адриан демонстрировал свою силу.

Он оторвался от её губ, его дыхание стало прерывистым, горячим. Мужчина переместил поцелуй на её шею, на место под ухом, куда он всегда целовал её, когда хотел продемонстрировать свою власть даже в интимном моменте.

— Ты всё ещё моя жена, — бормотал он между влажными, жадными прикосновениями. — По закону. По факту. Он... Артур... он временное утешение. Заблудшая овечка, которую ты пожалела. Но игра в милосердие окончена.

Его рука соскользнула с её талии, проскользнула под край её футболки, ладонь, шершавая и горячая, прижалась к обнажённой коже живота. Она вздрогнула, не от возбуждения, а от ужасного, унижительного воспоминания. Его прикосновения всегда были такими — не лаской, а инвентаризацией. Как будто он проверял, не повреждено ли его имущество.

— Наше соглашение в силе, — прошептал он ей на ухо, и его голос приобрёл низкие, угрожающие вибрации. — Ты ведь помнишь, что случилось с теми, кто пытался его нарушить? Помнишь, что стоит на кону? Не только твоя репутация. Не только твой покой. Жизни, Мия. Конкретные жизни.

Лёд пронзил её до самого позвоночника. «Соглашение». Снова это слово. И «те, кто пытался его нарушить». В памяти всплыл обрывок: смутный разговор на ранних этапах брака, когда Адриан вёл какие-то тёмные переговоры с ее отцом и Николасом Рейганом. Она тогда подслушала обрывок фразы: «...она наша страховка. Пока она здесь, с ним, все молчат». Она не поняла смысла тогда. Подумала, что речь о бизнесе. А потом был инцидент с бухгалтером, который вдруг уволился и бесследно исчез. Адриан сказал: «Он нарушил соглашение. Не жалею о нём».

И теперь этот призрак прошлого встал между ними. Он намекал на что-то огромное и ужасное, на сеть, в которой она была не просто женой, а заложником, пешкой, «страховкой».

— Я ничего не помню, — выдавила она, пытаясь вырваться. — Ты говоришь загадками, которые уже никто не хочет разгадывать.

— Не загадки, — он резко отстранился, его глаза пылали золотым огнем. — Факты. И вот ещё один факт: твоё тело помнит. Оно помнит, кому принадлежит.

Он снова прижал её к стене, но теперь его движения стали целенаправленными, безжалостными. Его рука на животе рванула вниз, растёгивая пуговицу её джинсов, молния разошлась с резким звуком. Она вскрикнула, пытаясь схватить его за запястье, но он легко отмахнулся.

— Не сопротивляйся. Ты только сделаешь больно себе. А я... — он прижался к ней всем телом, и она почувствовала его твёрдую, неумолимую готовность через слои ткани, — я просто напомню тебе. Напомню, что всё, что тебе давал он, — это жалкая пародия. Суррогат. Настоящее — здесь и сейчас. Осознай то, что ты принадлежишь тому, кто сильнее. Кто не боится ни смерти, ни закона. Кто есть сама бесконечность.

Он не стал раздевать её дальше. Не стал создавать иллюзию любовной игры. Он просто освободил себя и, приподняв её, прижав к стене, вошёл в неё одним резким, болезненным толчком. Она закричала, но звук заглушил его ладонь, грубо прижатая к её рту. Её глаза широко распахнулись от шока и боли. Не физической — тело, к её ужасу, начало привычно приспосабливаться, предавая её. Боль была от осознания полной, абсолютной потери контроля. От того, что он мог сделать с ней всё что угодно здесь, в этом стерильном белом боксе, и никто не придёт на помощь.

Он двигался внутри неё с той же методичной, безэмоциональной жестокостью, что и в их браке. Но теперь в этом было дополнительное измерение — наказание. Каждый толчок был утверждением его права. Каждое движение говорило: «Ты моя. Он лишь пользовался тем, что всегда принадлежало мне». Он смотрел ей в глаза, не отрываясь, и в его взгляде не было ни тени наслаждения. Была только холодная, удовлетворённая ярость и абсолютная власть.

Она перестала бороться. Её тело обмякло, повисло на его руках. Она отключилась, ушла вглубь себя, в то самое место, куда пряталась все эти годы. Смотрела поверх его плеча на безупречно белую стену, на трещинку в штукатурке, принимающую в её воспалённом сознании очертания знака бесконечности.

Его кульминация наступила быстро, с тихим, сдавленным рыком у неё в ухе. Он не издавал громких звуков, никогда. Даже в этом он контролировал всё. Адриан замер на мгновение, всё ещё внутри неё, его тело напряглось, потом расслабилось. Он отстранился, опустил её на пол. Её ноги подкосились, и она едва удержалась, схватившись за подоконник.

Мужчина привёл себя в порядок с той же небрежной эффективностью, с какой разблокировал дверь. Потом посмотрел на неё, как смотрят на выполненную работу.

— Вот видишь, — сказал он, его голос снова стал ровным, деловым. — Ничего не изменилось. Ты всё та же. И правила — те же.

Адриан подошёл к раковине, умыл лицо и руки, вытерся бумажным полотенцем. Мия стояла, прижавшись к стене, пытаясь стянуть с себя ощущение его вторжения, его запаха, его власти. Она чувствовала себя осквернённой, разбитой, но где-то в глубине, под шоком, тлел уголёк ярости. Ярости, которая теперь знала своего врага в лицо.

— Теперь о правилах на ближайшее будущее, — начал он, подойдя к ней, но не касаясь. — Ты будешь приходить, когда я скажу. Будешь делать, что я скажу. И будешь молчать. Для всех, особенно для него, ты — всё та же потрясённая происходящим женщина, которая боится беспорядков. Ни слова о том, что ты приходишь ко мне. Ни намёка.

— А если я откажусь? — прошептала она, глядя в пол.

— Тогда ты подпишешь ему смертный приговор, — ответил он без паузы. — Сегодня вечером, когда вас переведут в общий зал для ночлега, ты порвёшь с ним. Публично. Придумай причину. Скажешь, что он слабак, что он не может тебя защитить. Что ты поняла, что всё ещё любишь меня, своего мужа, и не можешь быть с другим. Что угодно. Но это должно быть жестоко, убедительно и на глазах у как можно большего числа людей.

У неё перехватило дыхание.

— Я не сделаю этого.

— Сделаешь. — Адриан наклонился к ней, и в его глазах она увидела не угрозу, а констатацию. — Или завтра утром его найдут с ножом в груди в туалете терминала. Самодельное оружие. Местный грабитель, воспользовавшийся хаосом. Трагический инцидент. Уверяю тебя, мои люди проворачивали операции и почище. И никто даже бровью не поведет. Ты останешься одна. Снова. Но на этот раз — по-настоящему. И со знанием, что это ты его убила.

Мужчина говорил тихо, спокойно, как врач, описывающий симптомы смертельной болезни. В каждой фразе чувствовалась неоспоримая правда. Он мог это сделать. Адриан и здесь был властью.

— Зачем тебе это? — голос её сорвался. — Зачем мучить его? Что он тебе сделал?

— Он занял моё место, — просто сказал Адриан. — И я не терплю чужаков в своём доме. Даже если этот дом — моя жена. Теперь у тебя есть выбор, Мия. Его жизнь или твоя гордость. Хотя, — он усмехнулся, — какая уж там гордость после всего, что было между нами? После нашего «соглашения»?

Он повернулся, чтобы уйти, но на пороге остановился.

— О, и ещё кое-что. Забудь о дневнике твоей матери. И о записках, и о всех этих детских играх в частного детектива. Ты лезешь не в своё дело. И твой журналист-друг Кайл... — он обернулся, и на его лице впервые появилось что-то похожее на живую эмоцию — предвкушение. — Он уже получил предупреждение. Следующее будет последним. Подумай об этом, когда будешь целовать своего Артура на прощание. Каждый твой шаг в сторону прошлого приближает его к могиле. И не только его.

Он вышел, мягко закрыв дверь. Звук щелчка замка прозвучал громче выстрела.

Мия медленно сползла по стене на пол, обхватив колени руками. Тело ныло, губы распухли, внутри всё горело от унижения и ярости. Но хуже всего было другое — холодное, тошнотворное понимание. Он не просто вернулся. Он никогда и не уходил. Он наблюдал. Контролировал. Он знал про дневник. Про Кайла. Он знал всё.

И теперь у неё не было выбора. Чтобы спасти Арта, ей нужно было стать орудием в руках Адриана. Разрушить то, что они с таким трудом начали строить. И сделать это так, чтобы Арт возненавидел её. Чтобы он ушёл, но, чтобы он остался жив.

Слезы, наконец, хлынули из её глаз — беззвучные, горькие. Мия плакала не от страха за себя. Она плакала от предстоящей боли, которую должна будет причинить единственному человеку, который любил её по-настоящему. И от осознания того, что клетка, из которой она думала, что сбежала, оказалась намного больше и прочнее. Она охватывала не только её, но и всех, кого она могла полюбить.

В кармане её джинсов снова завибрировал телефон. Новое сообщение в том же защищённом приложении. Всего два слова:

Сегодня. 22:00.

Приговор был вынесен. Оставалось только привести его в исполнение.

Глава 6

Зал ожидания только с виду казался организованным, и это лишь подчёркивало абсурдность ситуации. Солдаты раздали тонкие матрасы и алюминиевые одеяла, которые были теперь повсюду на полированном мраморном напольном покрытии, что выглядело как шикарное подобие лагеря беженцев. Воздух гудел от приглушённых разговоров, плача детей, храпа тех, кому удалось отключиться. Большие экраны, обычно транслирующие рекламу и рейсы, показывали теперь карту города с зонами, выделенными красным, и бегущей строкой на трёх языках, призывающей к спокойствию и терпению. Иллюзия контроля ситуации, однако все понимали, что их судьба зависит не от этих экранов, а от невидимых переговоров где-то за дверями.

Арт нашёл место в относительно тихом углу, у стены с розетками. Он расстелил два матраса рядом, но оставил между ними расстояние в полметра. Рядом, но все же на расстоянии. Он оставил Мие право выбора - быть ближе к нему или все же сохранить дистанцию. Артур сидел, прислонившись к стене, его глаза были закрыты, но Мия знала — он не спал. Его тело было слишком напряжённым, каждая мышца будто прислушивалась к окружающему миру, сканируя его на угрозы. Он делал то, что всегда умел — создавал зону безопасности в эпицентре хаоса. Молча, без суеты.

Девушка стояла в нескольких метрах, наблюдая за ним, и её сердце разрывалось на части. Арт был похож на скалу, вокруг которой бушевало темное море, но скалу это совсем не тревожило, как бы не пенились волны. И через несколько минут она должна была взорвать эту скалу, уничтожить, растоптать, превратить в мелкие камни. Так требовал сценарий, который создал для нее Адриан.

Время, которое они провели после её возвращения из медпункта, было наполнено мучительным молчанием. Артур не спрашивал, что случилось. Он видел её опухшие глаза, её трясущиеся руки, её невозможность смотреть ему в лицо. Арт просто взял её руку, сжал, и больше ничего. Его молчание было красноречивее любых вопросов. Он знал. Возможно, не все детали, но суть — что случилось что-то необратимое, что их хрупкий новый мир треснул по швам. И он ждал, когда она будет готова сказать. Если будет.

Но Мия не могла сказать правду. Она могла только исполнить роль. Роль предательницы.

Девушка посмотрела на часы на телефоне. 21:55. Пять минут. Где-то в этом зале, вероятно, скрываясь в тени колонны или среди группы солдат, Адриан наблюдал. Он требовал зрелища. И она должна его дать.

Она сделала глубокий вдох, набирая воздух в лёгкие, как перед прыжком в ледяную воду. Внутри всё сжалось, сердце требовало найти другой выход. Но в голове стояла картина, которую он нарисовал: Арт, холодный, с остекленевшими глазами, в луже крови на грязном кафельном полу туалета. И это была бы её вина. Только её.

Мия подошла к матрасам и села на свой, спиной к Арту. Она чувствовала, как мужчина открыл глаза.

— Мия? — его голос был тихим, хрипловатым от усталости. — Ты в порядке?

— Я? — она повернулась к нему, и её голос прозвучал резко, слишком громко для шёпота, который царил вокруг. Несколько ближайших людей настороженно подняли головы. — В порядке, Арт? Как я могу быть в порядке? Посмотри вокруг!

Артур слегка отодвинулся назад, удивлённый её тоном.

— Я вижу. Да, мы в полной жопе. Но мы справимся, не стоит впадать в панику.

— «Справимся»? — она фальшиво рассмеялась, и этот звук задел даже её саму. — О чём ты говоришь? Мы заперты, как животные! Над нами летают самолёты, а мы сидим на полу и ждём подачек! И ты... ты просто сидишь! Сидишь и ждёшь, когда всё само рассосётся!

Мужчина медленно выпрямился, его лицо стало осторожным, изучающим.

— Я делаю то, что могу. Стараюсь оставаться с холодным рассудком и не привлекать лишнего внимания. А так же быть рядом с тобой.

— Быть рядом? — она встала, теперь её голос набирал силу, театральную, истеричную. — Ты всегда просто «был рядом»! Когда вокруг был хаос в аэропорту — ты был рядом. Когда эти солдаты с автоматами смотрят на нас как на скот — ты рядом! Но ты ничего не делаешь! Ты никогда ничего не делал! Ты всегда просто был рядом!

Мия видела, как её слова ранят, как каждая фраза — отточенный клинок по сценарию — вонзается в самое незащищённое место. Но в его глазах, которые она ожидала увидеть полными боли и гнева, она увидела нечто иное. Глубокую, бездонную печаль. Кажется, Артур никогда не простит ей этого. Но он смотрел не на истеричную женщину. Арт смотрел сквозь неё, как будто читал текст, написанный невидимыми чернилами поверх её слов.

— Мия, — сказал он тихо. — Не говори так.

— Буду! — она почти крикнула, и теперь на них смотрели уже десятки глаз. Люди устали от страха, и чужая драма становилась развлечением. — Я не могу больше! Я смотрю на тебя и вижу... слабость. Всю нашу жизнь я видела слабость! Ты никогда не был таким, как он! Никогда не брал то, что хотел! Никогда не контролировал ситуацию! Адриан... Адриан бы не сидел сложа руки! Он бы нашёл выход! Он бы взял всё под контроль! Он был сильным!

Имя, произнесённое вслух, повисло в воздухе тяжёлым, ядовитым облаком. Арт замер. Казалось, он даже перестал дышать. Его взгляд на секунду метнулся куда-то за её плечо, будто ища в толпе того, чьё имя она только что выкрикнула с такой неожиданной тоской. Потом медленно вернулся к ней. И в его глазах что-то окончательно погасло. Словно сама надежда, которая теплилась в нем все эти годы и крепко сидела на своем месте, решила неожиданно уйти, ничего не оставляя после себя.

Артур медленно поднялся, его движения были скованными, будто каждое причиняло ему физическую боль. Он был выше Мии, и сейчас эта разница в росте казалась не защитой, а барьером.

— Так вот в чем дело, — прошептал он так тихо, что слышала только она. Его губы едва шевельнулись. — Он нашёл тебя. Да?

Вопрос, заданный не в ярости, а с ледящей душу ясностью, обжёг сильнее всех её собственных криков. Арт понял, как всегда. Может не все, но он увидел за её истерикой руку другого. И в его словах не было злобы, а лишь горечь от того, что он не смог защитить её от этого. Даже здесь, на другом конце света.

Мия должна была продолжить. Добить, сделать так, чтобы он ушёл, ненавидя её, чтобы у Арта не было ни малейшего желания оставаться рядом только ради того, чтобы вновь пережить весь этот ужас и остаться запасным вариантом.

— Он нашёл меня? — она заломила руки, её голос срывался на визг. — Он всегда был здесь! В моей голове! А ты... ты просто тень. Жалкая тень великого человека! И я, видно, сошла с ума, что решила, будто тень может заменить оригинал! Убирайся! Я не хочу тебя видеть! Не хочу чувствовать твоё жалкое подобие защиты! Живи своим трусливым существованием где-нибудь подальше от меня!

Последние слова вылетели из неё с такой внутренней агонией, что её собственное тело содрогнулось. Мия стояла, тяжело дыша, чувствуя, как слёзы — настоящие, горькие — жгут её глаза, но она не позволяла им упасть. Она должна была выглядеть яростной, презирающей, а не разбитой и несчастной.

Секунды шли мучительно долго, но Арт не говорил. Он видел её дрожь, её безумный, молящий о пощаде взгляд, который противоречил каждому произнесённому слову. Он видел всё. И, возможно, именно поэтому он решил дать ей то, чего она так отчаянно добивалась.

Он кивнул. Один раз. Коротко, почти официально.

— Хорошо, Мия. Как скажешь. — Его голос был пустым, выжженным. — Я уйду. Желаю тебе... найти свой путь. И свою силу.

Он повернулся, взял свои вещи и пошёл прочь, не оглядываясь. Его спина была прямой, но плечи, обычно такие уверенные, сейчас казались ссутулившимися под невидимым грузом. Артур растворился в толпе, направляясь к дальнему концу зала, где тьма сгущалась, и люди пытались спать, укрывшись с головой одеялами.

Мия стояла, чувствуя, как земля уходит у неё из-под ног. Вокруг перешёптывались, бросали на неё осуждающие или жалеющие взгляды. Спектакль удался. Публика была потрясена. Режиссёр, где бы он ни был, должен был остаться доволен.

Девушка медленно опустилась на матрас, обхватив голову руками. Внутри была только пустота, которая безжалостно разрывала на части. Она сделала это. Она спасла его жизнь, оттолкнув его в самую тёмную глубину. И теперь Мия оставалась одна. С призраком, который держал её на поводке, и с ледяным страхом, что её игра была слишком очевидной. Что Арт понял слишком много. И что теперь Адриан, удовлетворённый зрелищем, возможно, захочет... проверить её лояльность ещё раз.

Семь лет назад.

Пятый год брака. Цикл их семейной жизни уже отточился до автоматизма, став ритуалом, предсказуемым, как смена времён года, и таким же неотвратимым.

Фаза первая: Холодность. Адриан уезжал в «командировку» — всё чаще и всё на более долгие сроки. Он не звонил. Изредка приходили сухие SMS: «Всё нормально. Не беспокойся». Дома — тишина, в которой царствовало её одиночество. Мия пыталась заниматься собой, фотографией, но энтузиазм быстро угасал под грузом невысказанных вопросов. Она училась не спрашивать. Это было правилом.

Фаза вторая: Возвращение и Насилие. Он возвращался усталым, раздражённым, провозившим чужими городами и чужими делами. Любая мелочь могла спровоцировать взрыв: не так поставлена чашка, не та музыка, слишком задумчивый вид. Его крик был тихим, но оттого ещё более страшным. Он не бил её. Никогда по лицу. Он мог схватить за руку выше локтя, сжать так, что оставались синяки, которые легко было спрятать под рукавом. Мог толкнуть к столешнице, чтобы она вскрикнула от неожиданности и боли в рёбрах. Однажды, когда Мия осмелилась спросить, куда он ездит, он швырнул её дорогую камеру об стену. «Твоё дело — ждать, а не лезть ко мне с вопросами!». Насилие было точечным, избирательным, унижительным. Оно не ломало кости, оно ломало дух.

Фаза третья: Раскаяние и «Любовь». На следующее утро, или через день, он приходил с подарком. Не цветами — он считал их банальными. С чем-то дорогим, личным. В тот раз, после ссоры из-за разбитой камеры, он вернулся вечером с длинной бархатной шкатулкой. Внутри лежало кольцо из белого золота с изумрудом невероятной чистоты, окружённым бриллиантами. Оно стояло, как её старая машина.

— Прости меня, — сказал он, его голос был бархатным, казалось, даже переполненным сожалением. Адриан стоял на коленях перед креслом, в котором она сидела, оцепенев. — Я ужасен. У меня такой стресс, это все работа... я не должен вымещать это на тебе. Ты единственное светлое в моей жизни. Прости.

Адриан говорил это прямо ей в лицо, без намека на гнев или ярость, и его янтарные глаза сияли влагой. Он казался таким уязвимым, таким сожалеющим. Он целовал её пальцы, её ладони, там, где накануне остались красные следы от его хватки. Его прикосновения были нежными, почти благоговейными.

— Позволь мне всё исправить. Прими это. Пусть оно напоминает тебе, как я тебя люблю. Как я нуждаюсь в тебе.

И он надел на неё холодное, ослепительное кольцо. Тяжёлое, красивое. Но Мия ощущала вес ожерелья, как рабский ошейник. Колье давило не только на ключицы, украшение душило психику и подавляла в девушке веру в хорошее.

Фаза четвёртая: Иллюзия счастья. Несколько дней, иногда неделя, были почти идеальными. Он был внимательным, ласковым, интересовался её делами, водил в рестораны. Он снова был тем блестящим Адрианом, за которого она вышла замуж. В эти моменты она цеплялась за него изо всех сил. Она убеждала себя, что это и есть настоящий мужчина. А тот, злой и жестокий, соседствующий под одной кожей с её мужем — это просто демон стресса, усталости, давления бизнеса. Мия оправдывала его. Она верила его извинениям. Подарок становился материальным доказательством его любви, знаком того, что он ценит её, что он готов искупить свою вину. Девушка смотрела в зеркало на сияющий изумруд у своей шеи и думала: «Он любит меня. Просто у него сложная жизнь. А я должна быть сильнее, должна понимать его, должна поддерживать его». Она благодарила судьбу за эти светлые промежутки и старалась забыть тёмные. Мия верила, что если будет достаточно хорошей, достаточно послушной, достаточно любящей, то тёмные фазы исчезнут навсегда.

Это и был стокгольмский синдром в его самом изощённом, бытовом проявлении. Не с захватом заложников в банке, а с медленным, ежедневным захватом души. Палач, становящийся единственным источником воды в пустыне. И жертва, начинающая пить эту воду с благодарностью, называя её любовью.

Теперь, сидя на тонком матрасе в аэропорту Дохи, Мия понимала. Ничего не изменилось. Цикл просто вышел на новый уровень. Его «смерть» была самой долгой и жестокой Фазой Холодности. А теперь началась Фаза Возвращения и Насилия. И подарком, которым он собирался её осчастливить после этого унижения, будет... что? Её жизнь? Жизнь Арта? Обещание не убивать сегодня? Он снова заставлял Мию принимать его «милость» после того, как он сам же искалечил её мир.

Разница была лишь в том, что теперь она видела механизм. Видела шестерёнки, рычаги, холодный расчёт. И от этого осознания было не легче, а в тысячу раз страшнее. Потому что теперь она знала — его «любовь» была лишь инструментом управления. И инструментом этим он владел виртуозно.

Сейчас.

Арт прошёл через весь зал, не оборачиваясь, пока не упёрся в глухую стену, за которой, судя по шуму вентиляторов, располагались технические помещения. Здесь было темно, воняло машинным маслом и пылью. Несколько человек спали тут, свернувшись калачиками, но место в углу, за массивной стальной тумбой с пожарным шлангом, было свободным.

Он сел на пол, спиной к холодному металлу, и только тогда позволил себе закрыть глаза и выдохнуть. Всё его тело дрожало от сдержанной ярости и бессилия. Каждое слово Мии отдавалось в нём физической болью. Но не потому, что он верил им. Потому что он слышал за ними её безмолвный крик о помощи. Он видел в её глазах не презрение, а животный, панический страх. И когда она произнесла имя Адриана, всё встало на свои места. Призрак материализовался. И он был здесь, в этой же ловушке, обладая всей властью.

Арт достал свой телефон. Обычная модель, ничем не примечательная. Он включил его, дождался загрузки, затем открыл приложение для подсчёта смет — скучное, профессиональное, с логотипом его компании. Он ввёл длинный, сложный пароль, состоящий из цифр, букв и символов. Интерфейс приложения сменился. Теперь это была чёрная экранная клавиатура и строка для ввода команд. Защищённый канал. Не та примитивная игрушка, через которую Адриан слал угрозы Мие. Это было нечто более серьёзное. Работа Зары по просьбе Артура.

Он подключил компактный спутниковый модем, спрятанный в скрытом отделении его рюкзака — вещь, без которой он не путешествовал в «нестабильные регионы» уже два года. Связь установилась, помигав зелёным индикатором.

Арт начал набирать сообщение, его пальцы летали по экрану.

Зара. Красный код. Он здесь. Жив. Контакт установлен, Мия под принуждением. Требуется разрыв. Выполнено. Моё местоположение — сектор 4, аэропорт Хамад. Нужна экстракция. И вся информация, что есть по его текущему статусу и операции. Сейчас.

Он отправил сообщение и прислонил голову к стене, ожидая. Прошло меньше минуты. Ответ пришёл беззвучным push-уведомлением.

Подтверждаю красный. Экстракция невозможна — воздушное пространство закрыто, наземные границы на замке. Ты в ловушке вместе с ним. Статус Адриана: не Рейган. Оперативный псевдоним «Янус». Консультант/координатор от частной военной компании «Ариадна Групп». Контракт с местными, но реальная цель — перехват логистических путей оружия для фракции «Щит Востока». Подозреваю, его смерть была входным билетом в этот мир. Знаю это два года. Молчала, пыталась выйти на его боссов, чтобы обезвредить разом. Сорри, брат. Пока ждем.

Арт прочитал текст, и мир вокруг окончательно потерял остатки привычных очертаний. «Ариадна Групп». Не просто клуб. Корпорация. И псевдоним «Янус» — двуликий бог начала и конца, врат, переходов. Идеально для человека, инсценировавшего смерть для перехода в новую жизнь.

Он быстро ответил:

Почему не сказала? О Мие.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Она была его главной легальной привязкой к старой жизни. Его алиби в смерти. Думала, если он «мёртв», она в безопасности. Не учла, что его одержимость ею — патология. Он следил за вами. Я отлавливаю следы в сетях. Он знал о вашем отпуске. Это не совпадение. Это охота. Он вернулся за своим имуществом. И чтобы проучить тех, кто на него посягнул. В первую очередь — тебя.

Арт сглотнул ком в горле. Он вспомнил взгляд Адриана в зале. Неприкрытую ярость не просто к человеку рядом с его женой. К конкуренту, который осмелился занять его место. К другу, который его «предал».

Что он с ней сделает? — отправил он, боясь ответа.

Психологическое сокрушение. Возвращение под контроль. Использование как прикрытия или рычага. Физически, пока она полезна — она в безопасности. Пока ты жив и на свободе — в опасности. Твоя смерть может быть следующим этапом его плана по полному владению. Ты — последняя нить к её прошлому, где у неё был выбор.

"Выбор. У неё никогда не было выбора" - подумал Арт с горечью. Её продали, как актив. А он, дурак, просто стоял и смотрел, любя её слишком сильно, чтобы бороться за неё темными методами, в отличие от Адриана. И был слишком честным, чтобы украсть ее.

Что прикажешь мне делать? — спросил он.

Пауза была дольше. Потом пришел длинный текст.

Играй роль. Роль раздавленного, униженного друга. Держись на расстоянии, но не теряй её из виду. Он будет наслаждаться зрелищем. Даст тебе ложное чувство безопасности. Ищи его слабое место здесь. Не его самого — он неуязвим как «Янус». Ищи его операцию. Любой просчёт в логистике, любую тень. У «Щита Востока» здесь есть конкуренты. Полковник Вазири, который вёл инструктаж, — не его союзник. Вазири — прагматик, лояльный текущей власти. Адриан играет в опасную игру на стыке интересов. Если мы найдём, за что его можно уличить перед Вазири или его начальством, будет рычаг. Собирай слухи. Я буду взламывать

всё, что могу, в их локальной сети аэропорта. Держи этот канал открытым. Используй экстренный вызов, если будет прямой контакт или угроза жизни. И, Арт...

Ещё одна пауза.

Она сильнее, чем кажется. Она выжила с ним несмотря ни на что. И она выбрала тебя, когда он был «мёртв». Помни об этом. Не дай его игре заставить тебя в этом усомниться. Все по-настоящему, помни.

Арт выключил экран, спрятал модем. Сидел в темноте, переваривая информацию. «Ариадна Групп». «Янус». Охота. Игра. Теперь он понимал правила. Это была не просто личная месть. Это была сложная, многоходовая операция, в которой Мия была и призом, и пешкой. И он, Арт, из друга и любовника превратился в цель и помеху.

Он поднял голову и через головы спящих людей посмотрел туда, где осталась Мия. Он различал её силуэт - девушка сидела, сгорбившись, на своем тонком матрасе. Она была одна. Как и он. Но теперь их одиночество было другим. Его — стратегическим и необходимым. Её — казённым, под присмотром.

Адриан выиграл этот раунд. Он заставил Мию оттолкнуть своего защитника. Он утвердил свою власть. Теперь он, вероятно, чувствовал себя триумфатором.

"Хорошо" - подумал Арт, его лицо в темноте стало каменной маской. Пусть наслаждается победой. У каждого триумфа есть обратная сторона — расслабление, самоуверенность, ошибки. Адриан всегда был блестящим тактиком, но посредственным стратегом. Он жил моментом, своей силой, своим контролем. И эта слабость, эта слепота к долгосрочным последствиям, когда-то разрушила их дружбу. Теперь, возможно, разрушит и его новую, тёмную игру.

Арт достал из рюкзака энергетический батончик, медленно начал его есть. Ему нужны были силы. Ему предстояло играть самую сложную роль в своей жизни — роль сломленного человека. И при этом искать щель в броне двуликого бога, который решил, что может безнаказанно красть жизни и калечить души.

Он прикончил батончик, выпил глоток тёплой воды из бутылки. Его глаза, привыкшие к темноте, снова нашли Мию. Она теперь лежала на боку, лицом к стене, неподвижно. Молился, чтобы она спала. Хотя бы во сне могла найти покой, которого он не мог ей дать сейчас, наяву.

В его кармане тихо завибрировал телефон. Одно короткое колебание. Уведомление из защищённого канала. Он открыл его.

Это была карта. Схема терминала аэропорта Хамад, загруженная Зарой. На ней мигали несколько точек. Одна была помечена как «Янус — текущая предполагаемая локация (служебные помещения, сектор А)». Другая — «Вазири — командный центр (зал 5)». Третья — «Склад временного хранения С-12 (отмечен в логах доступа «Ариадны» как активный)».

И короткая текстовая метка от Зары:

Начни со склада. Если есть что-то, что можно использовать против него, это там. Но будь призраком. Его глаза повсюду.

Арт стёр сообщение, стёр карту из памяти телефона. Он глубоко вздохнул. Роль сломленного человека могла подождать. Сначала нужно было стать призраком. И отправиться на первую в своей жизни настоящую разведку.

Глава 7

В техническом коридоре практически отсутствовали звуки, тишиной здесь считался нагнетаемый низкочастотный гул машинного оборудования, спрятанного за стенами. В воздухе стоял запах озона, пыли и перегретой изоляции. Арт двигался как тень, прижимаясь к стенам, его шаги не оставляли отзвука на прорезиненном покрытии пола. Карта, загруженная Зарой, светилась в его памяти чёткими линиями и точками. Склад С-12 находился в трёхстах метрах, за двумя гермодверьми и зоной, помеченной на схеме как «вход только по пропуску».

Артур остановился перед первой гермодверью, массивной стальной конструкцией с окошком на уровне глаз. Через него был виден длинный, пустой коридор, освещённый редкими аварийными лампами. На двери — считыватель карт и клавиатура. Арт достал из кармана небольшой чёрный приборчик, размером с пачку жевательной резинки, с тонкой антенной. Ещё один подарок Зары на прошлый день рождения — «на случай, если забудешь ключи от стройвагончика», сказала она тогда и подмигнула. Арт улыбнулся воспоминанию и прижал прибор к месту соединения считывателя со стеной, нажал единственную кнопку, мысленно благодаря подругу за такую предусмотрительность. В технике Заре не было равных, Арт знал это на собственном опыте. Прибор тихо запищал, на его миниатюрном экране забегали строки кода. Через десять секунд раздался мягкий щелчок, и красный индикатор над дверью сменился зелёным. Магнитный замок отключился.

Арт проскользнул внутрь, и дверь автоматически закрылась за его спиной. Теперь он был отрезан от основного зала ожидания. Здесь царила другая реальность — служебная, утилитарная, без намёка на человеческое присутствие. Его телефон в кармане тихо завибрировал. Он достал его, увидел вызов через защищённое приложение. Голосовая связь. Это могла быть только Зара. Он подключил проводные наушники с микрофоном — никакого Bluetooth, который можно запеленговать.

— Говори, — выдохнул он, продолжая двигаться по коридору, его глаза сканировали каждую дверь, каждый угол.

В наушниках раздалось лёгкое потрескивание, затем голос — низкий, немного хриловатый, с привычной долей цинизма, но сейчас в нём звучало напряжение.

— Арт, слава Богу. Ты где?

— Иду по маршруту. Первый барьер прошёл. Что случилось?

— Случилось то, что я два года играла в свою игру, думая, что контролирую ситуацию. А теперь ты и Мия в центре моей же мины-ловушки. — В её голосе прозвучала редкая для неё нота — искреннее сожаление. — Я знала, что он жив, Арт. Уже два года. Наткнулась на следы его нового имени в тёмных чатах, когда делала заказ для... одной парамилитарной структуры, которая хотела проверить своих же поставщиков. Он не просто в операции. Адриан — ключевая фигура в обеспечении оружием «Щита Востока» через сеть подставных компаний, одна из которых — старый добрый «Урбан Криэйторс», который теперь принадлежит тебе и Мие. Я молчала, потому что пыталась выйти на его боссов в «Ариадне», собрать такой компромат, чтобы можно было вытащить Мию из этой истории навсегда, не разжигая войну. Я думала, если он «мёртв», он оставит её в покое. Я... прости.

- Серьезно?

Арт резко замолчал и замер у развилки коридоров. Его рука сжала телефон так, что корпус затрещал. Волна ярости — на Зару, на себя, на всю эту паутину лжи — накатила на него, горячая и слепая. Он закрыл глаза, сделал усилие, чтобы подавить её. Ярость сейчас была роскошью, которую он не мог себе позволить.

— Извинения оставь для исповеди, Зара, — его голос прозвучал холодно и ровно, вопреки буре внутри. — У нас сейчас нет на это времени. И я не хочу просто бежать отсюда.

Поняла? Я не увезу её, прячась по подворотням, пока этот призрак будет висеть над нами вечной угрозой. Он инсценировал смерть, чтобы получить власть? Хорошо. Теперь у него есть эта власть. И он использует её, чтобы калечить Мию снова. Я не позволю. Нужно уничтожить его. Просто сбежать — этого мало. Нужно уничтожить «Януса». Раз и навсегда.

В наушниках наступила пауза. Потом Зара тихо присвистнула.

— И когда ты стал таким кровожадным, мальчик-строитель?

— В тот день, когда понял, что люблю её больше, чем ненавижу его. И больше, чем дорожу нашей с тобой дружбой, если ты снова что-то скроешь. Теперь ты в игре. По-настоящему. А теперь оставь, к черту, свои скупые слезы и скажи мне, что искать на складе?

Зара вздохнула, и в её голосе вернулся привычный деловой тон.

— По данным логов доступа, «Ариадна» арендовала склад С-12 под «гуманитарные грузы». Но вчера туда были внесены изменения в температурный режим — не охлаждение, а стабильная +18. И туда прошли три человека с метками геолокации, связанными с «Янусом». Длительное пребывание. Там что-то есть. Возможно, образцы. Или планы. Или... бухгалтерия. «Янус» параноики, но достаточно старомодны. Доверяют бумаге больше, чем полностью оцифрованным следам. Может, там его чёрная книга.

— Дай мне удалённый доступ, если что-то зашифровано. Я буду твоими глазами и руками.

— Уже делаю. Ты приближаешься к зоне контроля. Будь готов к камерам. Я внедрила в их сеть петлю на пять минут — они будут видеть повторяющийся цикл. У тебя есть время до смены кадра в... 23:47. Сейчас 23:42.

— Понял.

Арт отключил связь, но оставил канал открытым. Он свернул в правый коридор, который, согласно карте, вёл прямо к кластеру складов. Впереди, в конце коридора, была ещё одна дверь, но уже не герметичная, а обычная металлическая, с надписью «С-12» и пиктограммой, изображающей поддон с коробками. Рядом — камера под потолком, её красный светодиод горел ровным, не моргающим светом. Петля Зары уже работала.

Он подошёл к двери. Замок был проще — обычный электронный, кодовый. Он снова применил прибор Зары. На этот раз процесс занял дольше — двадцать секунд. Дверь щёлкнула. Арт медленно, беззвучно надавил на ручку и вошёл.

Склад оказался не огромным ангаром, а помещением размером с просторный офис, заставленным стеллажами до потолка. Воздух был сухим и прохладным. На стеллажах стояли одинаковые картонные коробки с маркировкой «Мед. оборудование. Хрупкое». Но несколько коробок в углу выделялись — они были другого размера, более плотные, без маркировки. Рядом с ними на полу лежал открытый алюминиевый кейс.

Арт подошёл к кейсу. Внутри, в формованных ячейках из чёрного поролона, лежали не медицинские инструменты. Образцы стрелкового оружия: компактный автомат, разобранный на основные узлы, несколько пистолетов разных калибров, патроны с цветной маркировкой на пулях. Это был не склад оружия — это была выставка образцов. Для демонстрации клиентам. Рядом с кейсом лежала папка-скоросшиватель с логотипом «Ариадна Групп» — стилизованное крылатое зеркало.

Он открыл папку. Внутри — распечатанные таблицы, графики, фотографии. Он быстро листал, снимая на камеру телефона. Графики поставок. Схемы логистических маршрутов через порты ОАЭ и Иордании. Отчёт об эффективности некоего «Протокола „Пелена“» в условиях городских боёв. И последний документ — проект контракта между «Ариадной» и представителем «Щита Востока». Суммы были астрономическими. А в графе «Куратор операции от „Ариадны“» стояла подпись. Не «Янус». Настоящая, размашистая, уверенная подпись: Адриан Рейган.

Он нашёл его. Дымящийся пистолет. Доказательство того, что «мёртвый» бизнесмен жив и участвует в торговле смертью.

В этот момент в наушниках раздался резкий, предупреждающий звук. Голос Зары, сдавленный:

— Арт, тревога. Кто-то врубил ручной обход системы. Петля сломана. Камеры видят тебя. Я вижу движение с метками охраны «Ариадны». Они в коридоре. Две минуты, максимум. Вали оттуда нахрен!

Арт судорожно снял последние страницы и захлопнул папку. Ему нужен был оригинал, а не только фото. Он сунул папку под куртку, закрепил её ремнём. Осмотрелся. Выход один — дверь, в которую он вошёл. И она вела прямо в лапы охраны.

— Зара, альтернативные пути? — прошептал он, отходя от кейса, его глаза искали вентиляционные шахты, люки, что угодно.

— Нет. Технические схемы показывают только основной вход. Проклятие. Держись. Я пытаюсь создать помехи в их связи, внести хаос в распознавание.

Арт подбежал к двери, прислушался к окружающим звукам. Из-за неё доносились приглушённые шаги, быстрые, уверенные. Скорее всего группа людей, а не один человек. Он отскочил, огляделся в последний раз. Его взгляд упал на коробки с «медицинским оборудованием». Он рванул к ним, сорвал верхнюю с ближайшего стеллажа. Внутри, упакованные в пузырчатую плёнку, лежали... портативные приборы ночного видения. Не оружие, но тоже военный реквизит. Он быстро достал один, сунул во внутренний карман.

Шаги приблизились. Рука взялась за ручку снаружи.

Арт отбежал вглубь склада, к дальнему стеллажу, единственное укрытие в тени. Он прижался к холодному металлу, чувствуя, как папка под курткой давит на рёбра. Его рука потянулась к поясу, где под футболкой был спрятан складной мультитул с коротким, но прочным лезвием. Он не был солдатом. Но он был тем, кто защищает своё. Даже если это означало встретить смерть в чужом складе, за тысячи миль от дома.

Дверь в склад распахнулась.

Три года назад.

Воздух в гардеробной был спёртым и неподвижным, словно его тоже разложили по полкам и забыли. Мия сидела на полу, прислонившись спиной к глухой стенке огромного дубового шкафа. Её окружало море ткани — тёмные шерстяные костюмы, белоснежные сорочки, аккуратные рулоны галстуков, извлечённые из своих отделений и образовавшие вокруг неё хаотические баррикады. Она не знала точно, сколько времени сидит в шкафу и перебирает его вещи. Пальцы, загрубевшие от картонных коробок и пыльных папок, теперь были покрыты тонким слоем пыли от шерсти и старой кожи.

Она искала вторую запонку.

Всё началось с простого желания — найти пару этому аксессуару и навести порядок. Не выбросить вещи Адриана, нет. Её ум, отточенный за время совместного проживания с Адрианом, требовал систематизации. Каталогизации доказательств его существования и исчезновения. В полицейском отчёте, который она перечитала сотни раз, в разделе «Вещественные доказательства, изъятые из транспортного средства», пунктом седьмым значилось: «1 (одна) запонка. Обнаружена в салоне, в пространстве между задним сиденьем и спинкой пассажирского кресла».

Одинокая запонка, закатившаяся в щель. Не в бардачке среди документов. Не в кармане пиджака на вешалке. В пыльной, тёмной щели, куда она могла упасть, скатиться, быть забытой.

Адриан не терпел беспорядка в машине. Его «Камаро» всегда сиял, внутри всегда стоял запах чистоты и автомобильного парфюма, подобранного под характер владельца. Адриан еженедельно устраивал химчистку салона. Вероятность того, что какая-то вещь, тем более такой

аксессуар, могла месяцами валяться в машине незамеченной, стремилась к нулю. Значит, она попала туда в тот день. В день его смерти.

И вот теперь Мия, запертая в склепе из его одежды, снова и снова перебирала его аксессуары. Все запонки были упакованы попарно в бархатные футляры или специальные держатели. Классические золотые, серебряные с гравировкой, современные стальные — все в идеальном состоянии, все на своих местах. И ни одной, даже отдалённо, не похожей на ту, что нашли в машине.

Она откинула голову на холодное дерево шкафа и закрыла глаза. От усталости и напряжения в висках стучало. Перед глазами плыли образы не его лица, а схемы, таблицы, строки из полицейского отчёта. "Не справился с управлением... Неисправная тормозная система..."

Адриан был безупречным водителем. Он участвовал в любительских уличных гонках и выигрывал. Его рефлексy были феноменальны. Он мог, ведя машину на высокой скорости, параллельно диктовать секретарше письмо и замечать малейшую ошибку в чертеже на планшете. И этот человек, по версии следствия, даже не попытался увернуться от бетонного ограждения и на полной скорости врезался в него, не сумев войти в поворот.

В её сознании, натренированном сомневаться во всём, что слишком гладко, щёлкнул первый, едва уловимый переключатель. Что если он не успел среагировать не потому, что был невнимателен? Что если его внимание в тот миг было приковано к чему-то — или кому-то — ещё?

Она открыла глаза и уставилась на грудy одежды перед собой. Белые сорочки казались призрачными в полумраке. *Чужая запонка в его машине.* Факт. Маленький, твёрдый, неоспоримый факт, который не вписывался в идеальную картину случайной трагедии.

«Смерть Адриана могла быть не случайна».

Мысль возникла не как озарение, а как тихий, логичный вывод, следующий из трёх посылок: 1) он был великолепным водителем, 2) он не совершил манёвра ухода от столкновения, 3) в его машине нашли чужую вещь. Это была не эмоция, не желание найти виноватого, чтобы облегчить горе. Это была холодная, детективная гипотеза. Первая за все время после похорон, которая хоть как-то стыковала не стыкуемое.

Она медленно вылезла из шкафа, её тело затекло и ныло. Взяла со стола в спальне тот самый полиэтиленовый пакет с описью. Достала маленький пакетик для улики. Запонка лежала внутри, холодная и тяжёлая. Она взяла её в ладонь. Она не была похожа на вещи Адриана. В его коллекции царила сдержанная роскошь. Эта же была вычурной, почти театральной, с агрессивной геометрией. Она кричала о принадлежности к какому-то другому миру. Миру, в котором Адриан не мог существовать. Или который ворвался в его жизнь в тот последний день.

Она ещё не знала, что, пытаясь восстановить справедливость для мёртвого, она роет тоннель прямо в сердце мира живого Адриана. Мира, где он был уже не жертвой, а архитектором хаоса. И её маленькая, одинокая запонка была не ключом к разгадке его смерти, а первой меткой на карте, ведущей к его чудовищному воскрешению.

Сейчас.

Шаги замерли прямо за стеллажом. Арт затаил дыхание, его пальцы сжимали рукоятку мультитула. Он видел тень на полу — длинную, искажённую, отбрасываемую кем-то с фонарём. Не охрана. Охрана шла бы быстрее, увереннее. Этот человек двигался осторожно, исследуя.

— ...ничего, — раздался голос снаружи, низкий, с лёгким акцентом. — Сканер чист. Может, крыса.

— Проверь стеллажи, — ответил второй голос, более молодой. — Босс хочет, чтобы всё было чисто перед завтрашней инспекцией Вазири.

Инспекция. Значит, Вазири что-то заподозрил. Или Зара уже начала свою игру, посеяв семена недоверия.

Арт видел, как тень первого человека отделилась и двинулась вдоль стеллажей. Он был на другом конце. У Арта было, может быть, десять секунд, пока его не обнаружат. Его взгляд упал на кейс с оружием. Идея, безумная и отчаянная, мелькнула в голове.

Он резко, но бесшумно рванулся от своего укрытия не к двери, а глубже, к кейсу. Его движение было замечено — раздался окрик: «Эй!». Арт не оборачивался. Он схватил кейс, швырнул его со всей силы в сторону противоположного стеллажа. Алюминий с грохотом ударился о металл, разлетелись образцы оружия, патроны рассыпались по полу.

— Что за?! — закричал второй голос.

Внимание на секунду переключилось на грохот. Этой секунды Арту хватило. Он рванул к двери, не пытаясь быть тихим. Он выскочил в коридор и побежал обратно, к первой гермодвери.

— Стой! — позади него прогремел выстрел. Не из огнестрельного оружия, а из тазера — характерный сухой щелчок, и электрод со свистом пролетел мимо его головы, ударившись в стену.

Арт мчался, не оглядываясь. Его ноги, натренированные в люксовых спортзалах, оттачивались от пола с мощностью спринтера. Он услышал за собой тяжёлое дыхание и шаги погони. Двое. Возможно, больше.

— Зара! Дверь! — выдохнул он в микрофон.

— Работаю! — в наушниках раздался яростный стук по клавиатуре. — Их система в режиме повышенной готовности после взлома! Нужно время!

До гермодвери оставалось пятьдесят метров. Арт рискнул обернуться. Один из преследователей, более молодой и быстрый, почти настигал его. В руке у него был не тазер, а дубинка. Арт резко остановился, развернулся на пятке и бросился навстречу. Его движение было настолько неожиданным, что охранник не успел среагировать. Арт, низко пригнувшись, врезался в него плечом в живот, сбив с ног. Дубинка вылетела из рук охранника и с лязгом покатилась по полу. Арт не стал добивать — он оттолкнулся от него, снова побежал.

— Дверь! — крикнул он.

Гермодверь была в двадцати метрах. Она была закрыта. Красный индикатор. Зара не справлялась.

Позади поднялся сбитый охранник, его напарник уже почти догнал. Выстрела тазера снова не последовало — в тесноте коридора риск попасть в своего был велик.

Десять метров. Арт увидел рядом с дверью на стене красную кнопку аварийного отключения магнитов, защищённую стеклянным колпаком. Последний шанс. Он не сбавил скорости, на бегу вытянул руку и кулаком, обёрнутым тканью куртки, ударил по колпаку. Стекло треснуло, осколки впились в ткань и кожу. Он нажал на кнопку.

Раздался оглушительный, пронзительный вой сирены. Индикатор на двери погас. Магнитный замок отключился, но дверь оставалась на месте — её нужно было толкнуть.

Арт всей массой тела ударил в стальное полотно. Дверь с скрипом поддалась, открывшись на несколько сантиметров. Он просунул плечо в щель, изо всех сил начал толкать. Сзади уже слышались шаги. Рука схватила его за куртку.

В этот момент дверь с другой стороны кто-то резко дёрнул на себя. Арт потерял равновесие и вывалился в предыдущий коридор, прямо к ногам... катарского солдата. Не из «Ариадны», так как Зара его не увидела. Скорее всего регулярный патруль.

На его лице было недоумение и настороженность. Он поднял автомат.

— Стоять! Не двигаться! — произнес он с сильным акцентом.

Арт замер, подняв руки. Позади, из щели двери, показались лица его преследователей. Увидев солдата, они остановились, их выражения стали мгновенно нейтральными, профессиональными.

— Всё в порядке, сержант, — сказал старший из них на ломаном английском. — Технический осмотр. Этот человек проник в запретную зону.

Солдат посмотрел на Арта, на его порванную куртку, окровавленную руку.

— Ваши документы?

Арт медленно, показывая каждое движение, достал из кармана паспорт. Его мозг лихорадочно работал. Папка под курткой жгла его кожу. Если его обыщут...

— Я заблудился, — сказал он по-английски, стараясь звучать испуганно и растерянно. — Искать туалет. Услышал звуки, испугался, побежал. Дверь была открыта... я думал, это выход.

Солдат скептически рассматривал его. Преследователи из «Ариадны» обменялись взглядами. Они не могли настаивать на задержании при патруле — это привлекло бы ненужное внимание, которого «Янус» явно хотел избежать, особенно перед инспекцией Вазири.

— Зона только для персонала, — строго сказал солдат, возвращая паспорт. — Идите обратно в основной зал. Следующий раз будете задержаны.

— Спасибо. Спасибо, — бормотал Арт, делая вид, что дрожит от страха. Он бросил быстрый взгляд на людей «Ариадны». В их глазах он прочитал не гнев, а холодное, расчётливое понимание. Они его запомнили. И доложат.

Он повернулся и зашагал прочь, чувствуя на спине их тяжёлые взгляды и ствол автомата солдата. Каждый шаг отдавался в его ушах громким стуком. Он дошёл до поворота, вышел из зоны видимости и прислонился к стене, закрыв глаза. Адреналин отступал, оставляя после себя слабость в ногах и резкую боль в руке.

— Арт? — в наушнике голос Зары звучал напряжённо. — Ты жив?

— Странно, но да. Я вынес кое-что. Папка с контрактом и его подписью. Но они меня видели. Знают в лицо.

— Чёрт. Значит, «Янус» теперь знает, что ты не просто сломленный бывший друг. Он знает, что ты представляешь угрозу. Мия в ещё большей опасности. Если он заподозрит, что вы в сговоре...

— Мы и не будем, — перебил её Арт, открывая глаза. В них горела решимость. — Я буду притворяться послушным. Раздавленным. Буду держаться подальше. А ты... ты должна найти способ использовать эту папку. Передать её Вазири. Или вбросить в сеть. Но так, чтобы это ударило по нему здесь и сейчас. Уничтожило «Януса» в глазах его покровителей.

— Это сложно. У «Ариадны» свои хакеры. Они могут отследить утечку.

— Значит, сделай так, чтобы утечка выглядела внутренней. От его же людей. Посей между ними раздор. Ты же любишь такие игры.

Зара на другом конце провода тихо усмехнулась.

— Ладно, сквиртуоз. Займусь огородом «Януса». А ты... держись. И береги эту папку как свои яички. Это наш козырь. Пока он у нас, у нас есть шанс.

- Какого чер... та.

Но Зара уже прервала контакт. Он осторожно ощупал папку под курткой. Твёрдый картон, бумага. Целая жизнь в обмен на другую. Он медленно пошёл обратно в главный зал, к своей роли сломленного, униженного человека. Но теперь у него за пазухой был не просто мультитул, а меч, способный обезглавить дракона.

И он знал, что дракон уже выследил его запах. Игра только начиналась. И следующей на кону, после его жизни, могла оказаться жизнь Мии. Адриан не потерпит двойной угрозы. И Арт только что из статуса раздавленного соперника перешёл в статус врага, которого нужно устранили.

Он вошёл в зал ожидания. Его глаза сразу же нашли Мию. Она сидела на своём матрасе, обхватив колени, и смотрела в пустоту. Она казалась такой хрупкой, такой одинокой. И такой далёкой.

Артур отвернулся и пошёл к своему углу, чувствуя, как тяжесть папки под курткой тянет его вниз, к холодному полу, к реальности, где любовь и ярость стали двумя сторонами одной медали. Медали, которую нужно было бросить на чашу весов в смертельной игре с призраком.

Глава 8

Тишина в зале ожидания к трём часам ночи стала физической субстанцией — тяжелой, вязкой, нарушаемой лишь храпом, детским всхлипыванием или далёким, приглушённым гулом сирен где-то за стенами терминала. Воздух протух от дыхания тысячи людей, от запаха немых тел и страха. Мия лежала на своём тонком матрасе, укрытая алюминиевым одеялом, которое не грело, а лишь отражало собственный холод тела. Она не спала. Её глаза, широко открытые, смотрели в затемнённый потолок, где мерцали крошечные огоньки аварийной подсветки, выстраиваясь в причудливые, угрожающие созвездия.

В кармане её джинсов, подложенном под голову вместо подушки, телефон завибрировал. Один раз. Тихий, но отчётливый электрический толчок, который отозвался судорогой во всём её теле. Она знала, что это. Не смс, не уведомление. Это был прямой проход в ад.

Она медленно, стараясь не шелохнуться, вытащила телефон. Экран вспыхнул в темноте, ослепив её. Чёрный интерфейс, зелёный текст. Сообщение было короче предыдущих.

Служебный отсек 4-Г. Через 10 минут. Убедись, что не следуют. Награда за хорошее поведение.

Награда. Слово вызвало у неё приступ тошноты. Она подавила его, беззвучно сглотнув ком в горле. Её взгляд метнулся в сторону, где, в двадцати метрах, в тени колонны, лежал Арт. Он лежал на боку, лицом к стене, неподвижно. Но Мия знала — он тоже не спит. Его бдительность была теперь животной, первобытной. Он отслеживал каждый её вздох, даже на расстоянии.

Девушка должна была уйти так, чтобы он не пошёл за ней. Не подверг себя риску. Вчерашний спектакль с разрывом был лишь первым актом. Адриан потребует продолжения. И её «наградой» будет подтверждение его власти самым интимным, самым унижительным образом.

Мия осторожно поднялась, сделала вид, что поправляет одеяло. Потом, с наигранной сонливостью, потянулась и пошла в сторону туалетов — единственное место, куда можно было отлучиться, не вызывая подозрений у посторонних. Она почувствовала, как на её спину упал взгляд Арта. Горячий, тяжёлый, полный немого вопроса. Но Мия не обернулась.

В женском туалете стоял тяжелый запах хлорки и отчаяния. Очередь из женщин у раковин, бледные лица под тусклым светом. Мия прошла мимо, сделала вид, что зашла в кабинку. Заперлась, села на крышку унитаза, опустила голову в ладони. Десять минут. Десять минут до того, как она должна была добровольно войти в клетку с хищником. Её тело отказывалось двигаться, ноги стали ватными, в ушах зазвенело.

Мия вспомнила его лицо в медпункте. Расчетливую ярость и абсолютную уверенность. Адриан не сомневался, что она придёт. Как не сомневался тринадцать лет назад, что она выйдет за него замуж. Его мир был устроен просто: у него были рычаги, и он нажимал на них. Угроза жизни Арта была самым тяжёлым, но не единственным рычагом. Было еще то самое «соглашение», о котором он говорил тёмными намёками. Кое-то из прошлого, что держало её на крючке даже помимо страха.

Мия поднялась, спустила воду, для видимости, и вышла из кабинки. Её отражение в потрескавшемся зеркале было лицом незнакомки — исхудавшей, с синяками под глазами, с губами, которые она в медпункте покусала до крови. Она плеснула ледяной воды на лицо, ощутив кратковременный шок, и вышла из туалета другим выходом, ведущим в служебный коридор.

Служебный отсек 4-Г оказался не комнатой, а своего рода техническим шкафом — узким пространством с серыми металлическими стеллажами, заставленными пачками бумаги, картриджами для принтеров, бутылками с водой. Застоявшийся воздух отдавал пылью и озоном

от работающего где-то рядом коммутатора. Единственный источник света — тусклая светодиодная лента под потолком.

Адриан ждал, прислонившись к стеллажу. Он был без камуфляжной куртки, в чёрной синтетической футболке, обтягивающей мощный торс, и чёрных брюках с карманами. На поясе — кобура с пистолетом. Он выглядел не как солдат на посту, а как хозяин, контролирующий свои владения. Его глаза, когда она вошла, медленно скользнули по ней с головы до ног, оценивающе, без тени смущения.

— Точна, как швейцарские часы, — произнёс он, и в его голосе звучало не столько одобрение, сколько удовлетворение от исправной работы механизма. — Я это ценю. Ты хорошо справилась вчера. Зрелище было... интересным.

Он сделал шаг вперёд, сокращая и без того крошечное расстояние в тесном помещении. Мия инстинктивно отступила, пока её спина не упёрлась в холодный металл стеллажа.

— Что ты хочешь? — её голос прозвучал шёпотом, сорвавшимся на полуслове.

Он улыбнулся. Но скорее это был хищный оскал, а не проявление радости от встречи.

— Я уже сказал. Награду. Ты выполнила приказ. Заслужила поощрение. — Его рука поднялась, и тыльная сторона пальцев коснулась её щеки. Прикосновение было холодным, сухим. — Ты проведёшь со мной ночь. Как раньше. Чтобы вспомнить, кто ты. И чтобы забыть тот жалкий суррогат нежности, который он тебе предлагал.

Он не был груб. Грубость предполагала страсть, потерю контроля. В нём не было и намёка на потерю контроля. Каждое его движение было обдуманное, обстоятельное, как ритуал. Он не стал ронять её на пол или прижимать к стеллажу, как в медпункте. Вместо этого он взял её за руку — твёрдым, безболезненным захватом — и повёл глубже в отсек, к относительно свободному пространству у дальней стены, где на полу лежал свёрнутый коврик для йоги, видимо, позаимствованный у кого-то из персонала. Рядом стояла канистра с водой и упаковка влажных салфеток. Он подготовился.

— Садись, — сказал он не приказом, а мягкой инструкцией.

Она села на край коврика, скрестив руки на груди, пытаясь создать хоть какую-то преграду. Он опустился перед ней на колени, его лицо оказалось на одном уровне с глазами Мии. В тусклом свете его глаза казались совсем зловещими, бездонными.

— Не напрягайся, — прошептал он, и его рука снова коснулась её лица, на этот раз ладонью. Большая, шершавая ладонь, знакомая и чужая одновременно. — Мы просто вернёмся к истокам. Вспомним приятные моменты. Помнишь нашу первую ночь в отеле на Ривьере? Ты так боялась. А я научил тебя не бояться. Научил тебя доверять мне.

Его голос был гипнотическим, низким, он вёл повествование, вплетая её в свою версию прошлого. Он говорил о «приятных моментах» — о подарках после ссор, о редких поездках, когда он был внимателен, о том, как он «заботился» о её безопасности, контролируя её круг общения. Он пересказывал историю их брака как красивую, немного грустную сказку о сильном мужчине и его нежной жене, которую нужно было оберегать от жестокого мира. И она, загипнотизированная страхом и этой настойчивой, извращённой логикой, чувствовала, как старые нейронные пути начинают оживать. Пути, по которым она когда-то убегала от правды в удобную ложь.

— Твоё место всегда было рядом со мной, — продолжал он, его пальцы теперь расстёгивали верхнюю пуговицу её рубашки. — И твои обязательства... ты всегда их помнила. Помнила, что от тебя зависит спокойствие многих людей. Наш союз был священным.

«Соглашение». Слово прозвучало снова, и на этот раз оно вызвало в памяти не абстрактный страх, а конкретный образ: её отец, Стивен, в кабинете, незадолго до свадьбы. Его усталое, постаревшее лицо. Его слова, сказанные не как угроза, а как констатацию леденящего душу факта: «Дочка, этот брак — не просто брак. Это гарантия. Для всех нас. Ты должна это понять.

Для твоего же блага». Она не поняла тогда. Но почувствовала тяжесть, которую взваливали ей на плечи.

— Я... я не хочу вспоминать, — прошептала она, пытаясь отстраниться, но его другая рука легла ей на колено, пригвоздив к месту.

— Но нужно. Чтобы ты поняла, что ничего не изменилось. Ты — моя жена. Моя собственность. И ты будешь вести себя соответственно.

Адриан наклонился и прикоснулся губами к её шее, чуть ниже уха. Его поцелуй был не ласковым, а исследующим, властным. Его язык обжёг кожу. Мия вздрогнула, и её тело, к её ужасу, отозвалось знакомой, предательской дрожью — не желания, а глубоко укоренённой физиологической реакции на его прикосновения. Годы брака научили её тело отвечать на его ласки, даже когда душа отчаянно сопротивлялась. Это была не любовь, а условный рефлекс, выработанный в лаборатории их токсичных отношений.

— Видишь? — он прошептал ей на ухо, его голос стал густым, удовлетворённым. — Твоё тело помнит. Оно тоскует по-настоящему. По силе. Артур... — он произнёс это имя с лёгким презрительным смешком, — он никогда не узнает тебя так. Не сможет дотянуться до этих тёмных, тихих мест в тебе, которые принадлежат только мне. Он любит мираж. Того, кем ты притворяешься. А я... я владею твоей сутью. Даже когда ты ненавидишь меня.

Его руки теперь работали методично, снимая с неё одежду не как любовник, а как тюремный надзиратель, проводящий обыск. Каждое прикосновение было чётким, безличным, но от этого не менее властным. Когда она осталась перед ним обнажённой, сидя на коленях на жёстком коврике, он откинулся назад, чтобы посмотреть. Его взгляд был лишён восхищения. Это был взгляд собственника, проверяющего целостность актива.

— Теперь моя очередь напомнить тебе, — сказал он, и начал раздеваться сам, не спеша, демонстрируя свою физическую мощь, шрамы на теле, которых она не помнила — следы новой, опасной жизни. Когда он приблизился к ней снова, его возбуждение было очевидным, но и оно казалось частью расчёта, оружием, а не проявлением страсти.

Адриан уложил её на спину на коврик. Не повалил, а именно уложил, как укладывают пациента на операционный стол. Его ладони легли на её бёдра, пальцы впились в кожу, оставляя белые, а затем красные отпечатки. Он не целовал её в губы. Он смотрел ей в глаза, проникая в неё одним медленным, неумолимым движением. Боль была тупой, растягивающей, знакомой. Она зажмурилась, сдерживая стон.

— Открой глаза, — приказал он тихо, но так, что послушаться было невозможно. — Смотри на меня. Ты должна видеть, кто тебя имеет.

Она открыла глаза. Его лицо было над ней, освещённое мерцающим светом светодиодов. Ни страсти, ни ненависти. Концентрация. Полный контроль. Он начал двигаться, устанавливая ритм — не быстрый, не яростный, а неотвратимый, как движение прилива. Каждый толчок был утверждением: «Ты моя. Это — твоя реальность. Всё остальное — сон».

И самое ужасное было то, что её тело, преданное и запутанное годами, начало подстраиваться под этот ритм. В глубине, помимо её воли, пробуждались знакомые отклики, выработанные за годы такого же механического секса. Волны унижительного, нежеланного удовольствия начали пробиваться сквозь барьер отвращения и страха. Он чувствовал это — по её дыханию, по непроизвольному напряжению мышц. И его губы растянулись в беззвучной, торжествующей улыбке.

— Да, вот так, — прошептал он, наклоняясь к её уху, его движения стали чуть глубже, точнее, направленными на то, чтобы усилить эту предательскую реакцию. — Вот кто ты есть. Не его чистая, несмелая любовница. Моя. Испорченная. Глубокая. Настоящая. И пока я жив, ты никогда не будешь принадлежать никому другому. Даже если убежишь на край света. Даже если я буду в могиле. О, подожди... — он фальшиво удивился, и его толчок стал резче, заставив её вскрикнуть, — я уже был в могиле. И что? Я всё равно вернулся за тобой.

Он довёл её до тихого, сдавленного оргазма, который был не освобождением, а казнью. Её тело вздрогнуло в судорогах отчаяния и физиологической разрядки, а её душа рвалась на части от стыда и ненависти к самой себе. Он наблюдал за этим, как учёный наблюдает за успешным экспериментом, и лишь затем позволил себе собственную кульминацию — тихую, контролируемую, с коротким выдохом в её волосы.

Он не задержался внутри неё. Отстранился сразу, поднялся, начал одеваться.

— Хорошая девочка, — сказал он, как похвалу собаке. — Теперь ты помнишь. И будешь помнить до следующего раза.

Он ушёл первым, оставив её лежать на холодном, пропитанном чужими запахами коврик. Она не могла пошевелиться. Тело горело и ныло, внутри всё было липко и мерзко от него. Но хуже всего была пустота в голове, заполненная лишь эхом его слов: «Ты — моя. Испорченная. Настоящая».

Она не знала, сколько времени пролежала так. Время потеряло смысл. Потом инстинкт самосохранения, глубже стыда и отчаяния, заставил её подняться. Она надела одежду дрожащими руками, стараясь не чувствовать ткань на коже. Использовала влажные салфетки, чтобы стереть с себя следы его прикосновений, но знала — они въелись глубже, чем в кожу.

Мия выбралась из служебного отсека и побрела обратно в зал ожидания. Ночь стала ещё темнее, тишина — более зловещей. Она двигалась как автомат, её ноги сами нашли дорогу к тому месту, где она оставила свой матрас.

Арт лежал там, где и был. На боку. Но когда она остановилась рядом, он открыл глаза. Он не спал. Он смотрел на неё в полумраке, и в его взгляде не было вопросов, упреков, жалости. Была лишь бездонная, тихая печаль и... понимание. Он видел всё: её бледность, дрожь в руках, потерянный взгляд, который смотрел сквозь него. Он видел тень насилия, которое нельзя было смыть.

Артур молча приподнял край своего алюминиевого одеяла, отодвинулся, освобождая место рядом с собой на матрасе. Не приглашая. Не настаивая. Просто предлагая убежище. Единственное, что он мог сейчас предложить.

Мия застыла, глядя на это простое движение. Вся её израненная душа рванулась к этому теплу, к этой тихой безопасности. Но её тело, только что бывшее аренной для утверждения власти другого мужчины, кричало, что она недостойна. Что она осквернена. Что она принесёт эту скверну с собой.

Она сделала шаг назад, собираясь отвернуться, уйти, сесть на свой холодный матрас и сгнить там в одиночестве.

— Мия, — его голос был тише шепота, просто выдох, почти не звук. — Ложись.

В этом не было приказа. Не было просьбы. Было констатация необходимости. Как говорят «дыши», когда человек тонет. Она посмотрела на его лицо. На усталые, добрые глаза, которые видели её насквозь и всё равно смотрели на неё не с отвращением, а с болью. За неё.

Её сопротивление сломалось. Мия, всё ещё дрожа, опустилась на край матраса, затем легла на спину, оставив между ними пространство в полтела. Он накрыл её краем своего одеяла. Тепло, исходящее от его рук, было не таким, как от Адриана — не агрессивным, а обволакивающим, как тёплый песок.

Они лежали молча, не касаясь друг друга. Она смотрела в потолок, чувствуя, как по щекам у неё текут горячие, беззвучные слёзы. Они текли сами, без рыданий, как вода из треснувшего сосуда. Она не могла их остановить.

Рука Арта осторожно, с бесконечной чуткостью, легла поверх одеяла на её сжатые в кулаки руки. Не чтобы разжать. Просто чтобы покрыть. Чтобы сказать без слов: «Я здесь. Ты не одна в этом аду».

И в этот момент её душа, уже разорванная на части предательством собственного тела, его властью, его угрозами, разорвалась окончательно. На часть, которая ненавидела себя за ту

физиологическую реакцию, которую он в ней вызвал. На часть, которая боялась за Арта до потери рассудка. На часть, которая отчаянно хотела уткнуться лицом в шею этого молчаливого человека рядом и забыть всё. И на часть, которая знала, что забыть не получится. Никогда.

Она лежала между двумя мужчинами. Один, направляющийся сейчас в город по делам своих кровавых беспорядков, владел её прошлым, её страхами и, как он доказал, её инстинктами. Другой, лежащий рядом, молча, владел её настоящим и, возможно, её будущим, если будущее вообще было возможно. И она была мостом между ними. Мостом, который каждый из них пытался либо сжечь, либо отвоевать.

Её слёзы постепенно иссякли. Наступило оцепенение. В ушах зазвучали слова Адриана: «До следующего раза». И где-то в глубине, под пластом стыда и ужаса, медленно, как ядовитый росток, начала пробиваться новая мысль. Мысль не о спасении. О разрушении. Если она не может вырваться, если он не оставит её в покое даже после смерти... то, может быть, выход только один. Уничтожить тюремщика. Даже если это будет последнее, что она сделает в жизни.

Ладонь Арта по-прежнему лежала на её руках. Тепло от него было единственной реальной вещью в этом кошмаре. И она позволила этому теплу согреть её окоченевшие пальцы, зная, что завтра ей снова придётся надеть маску. Маску женщины, разорвавшей с ним отношения. Маску, за которой будет скрываться эта новая, тёмная решимость и вечный, всепроникающий стыд.

Глава 9

Время в аэропорту потеряло линейность, превратившись в циклический кошмар, разбитый на отрезки между объявлениями о задержках рейсов, раздачами пищи и ночными проверками патрулей. Мия научилась существовать в двух параллельных реальностях, разделённых не пространством, а качеством настоящего. Дневная реальность была наполнена гулом голосов, плачем, звуками шагов по мрамору. Ночная — шумела низкочастотным гудением систем жизнеобеспечения и храпела на тысячу ладов.

Днём она была с Артом. Они не разговаривали о главном. Они играли в старых друзей, которых случайная катастрофа заперла в одном пространстве. Арт добывал еду — не только стандартные пайки, но иногда фрукты или шоколад, меняя что-то у обслуживающего персонала. Он находил способы зарядить её телефон от какого-то технического выхода, к которому у него, казалось, был доступ. Он рассказывал ей смешные истории из своей работы, и его голос был спасением в бушующем море её паники. Иногда, когда никто не смотрел, их пальцы сплетались под прикрытием одеяла — на секунду, на две. Это не было любовью. Это был особый шифр выживания, тихое подтверждение: «Я здесь. Я вижу тебя. Держись». В его глазах Мия не видела упреков за ту ночную сцену, а глубокое сострадание и затаённую, стальную решимость, о которой Артур не говорил вслух. Она пыталась ответить ему тем же — краем улыбки, взглядом, в котором пыталась уместить всё: любовь, благодарность, предупреждение, мольбу о прощении за то, что происходит по ночам.

Ночью реальность переворачивалась. Сообщение в защищённом приложении приходило всегда по-разному — в 23:17, в 02:48, в 04:12. Никакой системы, только демонстрация того, что он контролирует не только пространство, но и её время. Места тоже менялись: другой служебный отсек, кабинет уборщицы, даже пустующая комната для кормления грудью, где на стенах висели плакаты с улыбающимися матерями, создавая сюрреалистичный фон для их встреч.

Адриан не тратил времени на прелюдии. Он был деловит, как врач на обходе. Иногда он требовал от неё отчёта: что говорил Арт, на что жаловались люди вокруг, какие разговоры она слышала. Он вытягивал из неё информацию, как из захваченного агента, и она, боясь за Арта, давала её — обезличенную, ничего не значащую. Иногда его интересовало только её тело. Эти ночи были самыми страшными. Он не повторял ту жестокую демонстрацию власти, как в первый раз. Он стал изощрённее. Он заставлял её раздеваться самой, медленно, под его пристальным взглядом. Заставлял прикасаться к себе, наблюдая за её реакцией с холодным, научным интересом. Он изучал её, как сложный механизм, искал новые кнопки, новые рычаги, чтобы вызвать в ней отклик — отвратительный, унижительный отклик её собственной плоти на его прикосновения. Он делал это молча, методично, и его молчание было громче любых оскорблений. После он мог говорить о делах, стоя у раковины и умывая лицо.

— Стабилизация обстановки идёт по плану, — говорил он однажды, застёгивая штаны. На экране его защищённого планшета мелькали схемы с маршрутами. — Южный квартал очищен. «Гуманитарные коридоры» работают. Вазири довольны сотрудничеством.

Он говорил о «гуманитарных коридорах» с лёгкой, циничной ухмылкой. Мия, лежа на импровизированной постели из свёрнутых курток, понимала, что речь идёт о чём-то другом. О контрабанде под прикрытием эвакуации мирных жителей или доставки медикаментов. Он был здесь не советником. Он был дирижёром чёрного рынка, используя хаос как прикрытия.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — спросила она как-то, её голос был хриплым от сдерживаемых слёз.

Адриан повернулся к ней, его глаза сузились.

— Чтобы ты понимала масштаб. Чтобы ты знала, что играешь не в детские детективные игры, а в большую войну. И твоя роль, хоть и мала, но важна. Ты мой канал в мир обывателей. Мои глаза и уши среди стада. И моя... личная терапия. — Он подошёл, провёл пальцем по её обнажённому плечу. — Иногда даже боги нуждаются в том, чтобы спуститься с Олимпа и вспомнить вкус простой плоти.

В эти моменты она ненавидела его так сильно, что это чувство становилось почти физическим, жгучим шаром в груди. Но ненависть была бессильной. Мия была привязана к нему не только угрозой Арту, но и этой страшной, интимной зависимостью, которую он в ней возвращал — зависимостью от его внимания как от единственной константы в аду, который он же и создал.

А утром она возвращалась к своему матрасу, принимала из рук Арта чашку тёплого, безвкусного чая, и её пальцы при встрече с его руками цеплялись за них, как утопающий за соломинку. И он, ничего не говоря, сжимал её руку, и в его глазах она читала вопрос, на который не могла ответить: «Сколько ещё?»

Память иногда выдаёт не целые картины, а обрывки, как киноплёнку, разрезанную ножницами и склеенную в случайном порядке. Один из таких обрывков: холодный, с ароматом воска и лилий зал похоронного бюро. Ей тринадцать, и чёрное платье, купленное на вырост, висит на ней мешком, а воротник натирает шею.

Мия стоит у гроба, покрытого бархатом, и смотрит на лицо матери. Оно кажется восковым, ненастоящим, как у куклы. Кто-то наложил слишком много косметики, пытаясь скрыть бледность, и теперь Кэтрин Спенсер выглядит как незнакомка, разодетая для странного, тихого праздника. Мия ждёт, что мама откроет глаза, улыбнётся своей смущённой, лучистой улыбкой и скажет: «Всё это глупости, дочка, пойдём домой». Но глаза не открываются.

Рядом стоит отец, Джулиан. Он не плачет. Он стоит очень прямо, в своём лучшем тёмно-синем костюме, и его рука тяжёлой, мёртвой хваткой лежит на плече Мии, второй рукой он прижимает к себе маленькую Амалию. Он не гладит девочек, не обнимает. Он просто держит, как будто боится, что они упадут или убегут. Лицо Джулиана застыло в маске собранного, сухого горя. Он уже говорил девочкам утром, ровным, безжизненным голосом: «Мама просто уснула, Мия. Её сердце остановилось. Так бывает. Надо быть сильной, ради Ами. Она еще так мала».

Просто уснула. Как будто речь шла о случайной дремоте на диване, а не о вечном сне в тридцать три года. Она не верила. Она видела маму за ужином недавно — она была живой, смеялась, волновалась из-за какого-то школьного проекта Мии. Сердце просто так не останавливается.

В зале были другие люди. Сотрудники отца, далёкие родственники. И одна пара — мужчина и женщина — стояли ближе всех, как семья. Женщина, элегантная, с печальными, добрыми глазами, несколько раз подходила к Мие, гладила её по голове, шептала что-то утешительное. Её прикосновения были тёплыми, материнскими, и от этого хотелось плакать ещё сильнее. Мужчина, высокий, с седеющими висками и твёрдым, но не жёстким лицом, много разговаривал с отцом, клал ему руку на плечо. Его голос был низким, успокаивающим. Они казались опорой, единственными настоящими друзьями в этом море соболезнающих масок.

Отец представлял их: «Это наши очень близкие друзья. Они помогут нам пережить это». Мия кивала, не вникая в имена. Они были просто добрыми тенями на краю её катастрофы. Мужчина... у него были янтарные, пронизательные глаза, которые смотрели на неё с такой странной смесью жалости и чего-то ещё, чего она тогда не могла определить. Как будто он не только сочувствовал, но и... знал что-то. Что-то, чего не знала она.

Потом, уже после похорон, они приходили часто. Привозили еду, сидели с отцом в кабине подолгу, их голоса за дверью звучали приглушённо, серьёзно. Женщина пыталась заботиться о девочках, спрашивала про школу, про подруг. Но в её заботе была какая-то осторож-

ность, как будто она боялась переступить невидимую черту. А этот мужчина... он однажды, когда отец вышел, подарил Мие маленькую фарфоровую балеринку.

— Твоя мама любила балет, — сказал он. — Она была такой же лёгкой и грациозной. Храни это в память о ней.

Она взяла балеринку, чувствуя неловкость. Мама любила балет. Но также она любила петь и долгие прогулки у океана. Но Мия не стала ничего говорить. Она просто кивнула. А мужчина смотрел на неё, и в его глазах снова было это странное знание. И вина? Нет, не могло быть. Просто её воспалённое детское сознание дорисовывало то, чего не было.

Теперь, двадцать с небольшим лет спустя, запертая в аэропорту с живым призраком её мужа, это лицо всплыло в памяти с пугающей чёткостью. Николас, она только сейчас это поняла. Добрый друг семьи. Муж Ирмы. Отец Адриана. И тот, кто, возможно, стоял у истоков всего: тёмных дел её отца, брака-сделки, убийства её матери, которое не было остановкой сердца. Он был связующим звеном. И его сын, её муж, унаследовал не только бизнес, но и этот леденящий, всепроникающий контроль, приправленный теперь жестокостью солдата удачи.

Она сидела, уставившись в пространство, и понимала, что никогда не выбирала свою жизнь. Жизнь выбрали за неё. Сначала отец, продав в брак как страховку от каких-то старых грехов. Потом Адриан, владея ею как вещью. Даже её горе, её расследование — всё это было частью чужого плана. И все было ложью... А теперь, когда план дал сбой и Адриан вернулся из небытия, он требовал вернуть свою собственность. Всё по-прежнему. Круг замкнулся.

На четвертый день двойной жизни пришло новое сообщение. Не ночное. Дневное, в разгар шумной, душной активности в зале.

Сегодня, 14:30. Зона выдачи багажа, стойка 12. Будь там. Приготовься получить задание.

Мия прочитала и судорожно сунула телефон в карман. Арт в этот момент разговаривал с группой канадцев, пытаясь выяснить, правда ли, что для них организуют автобус до границы. Он посмотрел на неё через плечо, уловил её напряжение. Она сделала вид, что поправляет шнурок на ботинке, избегая его взгляда.

В 14:25 Мия встала, сказав, что пойдёт прогуляться, размять ноги. Арт кивнул, но его глаза проводили её до самого выхода из сектора.

Зона выдачи багажа была пустынной и эхом отражала звуки из главного зала. Конвейеры молчали. У стойки 12 никого не было. Мия остановилась, чувствуя себя настолько незащищённой, как будто её выставили на сцену под прожекторами. Через минуту из-за угла вышел не Адриан, а один из его людей. Высокий, бритый наголо, с плоским, невыразительным лицом. Он молча протянул ей маленькую, чёрную флешку на шнурке.

— Полковник Вазири будет обходить гуманитарный склад в 16:00. Ты будешь там. Скажешь, что искала потерянные вещи, нашла это в туалете рядом. Отдашь ему. Лично в руки. — Его голос был монотонным, как у автомата. — Это твой пропуск к его доверию. Сделаешь всё правильно — для твоего друга наступит следующий день.

Он развернулся и ушёл, не дожидаясь ответа. Мия сжала флешку в кулаке. Пластик был холодным. «Пропуск к доверию». Она понимала, что на самом деле это пропуск в другую ловушку. Адриан использовал её, чтобы подобраться к Вазири. Зачем? Чтобы шпионить за ним? Подставить? Или Вазири был не так лоялен, как казалось, и Адриан проверял его через неё — идеального, ни о чём не подозревающего курьера?

Она вернулась в зал, её разум лихорадочно работал. Она должна была передать флешку. Невыполнение приказа было равноценно смертному приговору для Арта. Но она не могла просто быть пешкой. Не после всего.

Осторожно, под прикрытием толпы, она достала свой телефон. Связь была слабой, но интернет кое-как работал. Она открыла мессенджер, который они с Артом не использовали здесь, и написала Заре. Коротко, без подробностей:

Есть флешка. Нужно проверить содержимое перед передачей третьему лицу. Есть 1.5 часа. Возможно?

Ответ пришёл через пять мучительных минут.

Рискованно. Если есть защита, попытка скопировать вызовет срабатывание. Но... пришли мне идентификатор. Попробую удалённо.

Мия сфотографировала флешку — никаких опознавательных знаков, просто чёрный прямоугольник. Отправила. Потом, найдя укромный уголок за колонной, где была розетка, она подключила флешку к телефону через переходник. Экран телефона на секунду завис, потом появилось окно с запросом пароля. Она закрыла его, отключила флешку. Её действие, вероятно, уже было зафиксировано. Но она дала Заре сигнал — устройство активно.

Через двадцать минут пришло сообщение от Зары.

Хитро. Внешний слой — безобидные данные по логистике гуманитарных грузов. Но внутри, под паролем, — троян. Очень изощрённый. При открытии основных файлов внедряется в систему, в которой открыт, и начинает сливать данные о коммуникациях и передвижениях. Это не информация. Это жучок. Твой «полковник» — цель.

Лёд пробежал по спине Мии. Адриан не просто хотел доверия. Он хотел поставить на крючок катарского офицера, который, возможно, начал ему мешать. А она должна была стать тем, кто закинет наживку. Если это раскроется, Вазири уничтожит её. Если она откажется, Адриан уничтожит Арта.

У неё не было выбора.

В 15:55 она подошла к указанному складу — не тому, где был Арт, а другому, ближе к административной зоне. У входа стояли солдаты, пропускали только персонал. Мия, дрожа, объяснила, что ищет потерянный чемодан, показала свой посадочный талон. Её пропустили с неохотой.

Внутри царила организованная суeta. Грузчики переносили коробки с маркировкой «Медикаменты». Среди них, в центре зала, стоял полковник Вазири в безупречной форме, разговаривая с двумя своими подчинёнными. Его лицо было усталым, но собранным.

Мия подождала, пока он останется на мгновение один, подходя к стойке с бумагами. Она сделала глубокий вдох и шагнула вперёд.

— Полковник? Извините за беспокойство.

Он повернулся, его глаза оценивающе скользнули по ней. Вазири, должно быть, видел её в общей массе заложников этого кризиса.

— Да?

— Я... я нашла это. В туалете. — Она протянула флешку на шнурке. Её рука дрожала. — Выглядит как служебная. Решила отдать. Может, это важно.

Вазири взял флешку, повертел в пальцах. Его взгляд стал пристальным, изучающим.

— В каком именно туалете?

— У... у выхода В7. — Она соврала, выбрав отдалённое место.

— И больше никого не было?

— Нет. Никого.

Он смотрел на неё долгих несколько секунд. В его глазах не было благодарности. Была холодная, профессиональная подозрительность.

— Вы из тех, кто был в зале 3 в первую ночь? С американской группой?

Мия кивнула, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Да. Со мной был... был друг. Мы сейчас... не вместе.

Вазири медленно кивнул, как будто что-то складывая в уме.

— Я знаю, кто вы. Миссис Рейган. — Он произнёс её имя тихо, и в его голосе не было вопроса. — Вдова того бизнесмена. Чей муж был связан с нашими... инфраструктурными проектами.

Он знал. Не просто как одну из тысяч заложниц. Он знал, кто она. И это меняло всё. Возможно, Адриан просчитался. Или, что страшнее, это было частью его плана — чтобы Вазири знал, через чьи руки прошла флешка.

— Спасибо за бдительность, — сказал полковник наконец, опуская флешку в карман мундира. — Это может быть полезно. Вы можете идти.

Мия кивнула и поспешно ретировалась, чувствуя, как его взгляд прожигает ей спину. Она выполнила приказ. Но она не была больше слепым орудием. Она знала, что передала. И знала, что Вазири теперь тоже что-то знает. Игра вступила в новую фазу. Адриан сделал её активным участником. И, возможно, именно этого он и добивался — чтобы утопить её в этой грязи по самую шею, чтобы обратного пути не было.

Возвращаясь в зал, она поймала взгляд Арта. Он стоял, прислонившись к колонне, и смотрел на неё. В его глазах был немой вопрос. Она не смогла удержать его взгляд. Она опустила глаза и прошла мимо, к своему матрасу, чувствуя вес флешки, которой уже не было в кармане, но которая теперь навсегда лежала на её совести. Она стала соучастницей. И следующий шаг Адриана, она чувствовала, будет ещё страшнее.

Глава 10

Кабинет полковника Вазири в административном крыле аэропорта был образцом сдержанной, функциональной власти. Никаких лишних предметов, только карта города на стене с цветными маркерами, два монитора, стройка бумаг в стальных лотках и запах крепкого кофе без сахара. Воздух был прохладным от кондиционера, работавшего на полную мощность, отсекая духоту и хаос, царящие за дверью.

Флешка, чёрная, невзрачная, лежала на столе перед ним, как подозрительное насекомое, которого принесли на лабораторном стекле. Вазири не трогал её. Он сидел, откинувшись в кресле, его пальцы были сложены домиком перед губами. Его взгляд, тёмный и непроницаемый, был прикован не к флешке, а к доске на экране одного из мониторов. Фотография Мири Рейган, сделанная, видимо, камерой наблюдения в зале ожидания. Рядом — скудные данные: имя, возраст, гражданство, статус вдовы, профессия — частный детектив. И примечание, выделенное красным: «Связана через покойного мужа Адриана Рейгана и отца, Джулиана Спенсера, со строительной компанией «Урбан Криэйторс», фигурирующей в старых расследованиях по отмыванию средств. Муж погиб в ДТП три года назад. Расследование смерти вела самостоятельно. В поездке с Артуром Айситтом, бывшим бизнес-партнёром мужа.»

Слишком много совпадений. Вдова человека, связанного с теневой стороной строительного бизнеса на Ближнем Востоке. Частный детектив. Появляется в зоне конфликта именно в момент его обострения. И «находит» флешку в туалете, чтобы лично вручить ему. Наивная сказка для ребёнка. Для Вазири, прошедшего через дюжину грязных конфликтов и сотни попыток подкупа, шантажа и внедрения, это походило на заговор. Или отчаянной попыткой кого-то другого использовать её в качестве оружия.

Вазири наклонился вперёд, взял флешку. Подключил её не к основному компьютеру, а к изолированному ноутбуку, на котором не было ничего, кроме базовой операционной системы и набора инструментов для анализа. Его собственный техник, молодой парень с умными глазами за толстыми стёклами очков, молча наблюдал.

— Проверь на наличие скрытых разделов и угроз, — тихо приказал Вазири. — И следы любого нестандартного кода. Осторожно.

Техник закивал, его пальцы замелькали по клавиатуре. Экран ожил потоками программного кода. Вазири откинулся назад, его мысли работали холодно и методично. Если это попытка «Януса» — или того, кто скрывался за этим позывным — поставить на него жучок, то это означало, что их хрупкий, основанный на взаимной выгоде альянс даёт трещину. «Янус» становился слишком жадным, слишком самостоятельным. Или чувствовал угрозу. Вазири не доверял наёмникам, особенно тем, у кого были свои, не до конца понятные мотивы и тёмное прошлое, в котором числилась даже собственная смерть.

— Есть, — тихо сказал техник через десять минут. — Внешний слой — легитимные документы по логистике. Но внутри... многоуровневая оболочка. При попытке доступа к определённым файлам без ключа запускается процесс, маскирующийся под системный. Это троян. Очень качественный. Следы стиля... — он нахмурился, — похожи на наработки «Ариадны». Их штатные программисты любят такие изящные ловушки.

«Ариадна». Корпорация, которая стояла за «Янусом». Значит, его подозрения подтвердились. Его пытались сделать мишенью. И орудием выбрали эту женщину. Почему именно её? Потому что она была слабым звеном? Или потому, что у «Януса» были на неё свои виды?

— Выключи всё, — приказал Вазири. — Оставь флешку в изоляторе. И подготовь протокол обратного отслеживания. Я хочу знать, откуда пришла команда на активацию, если она придёт.

Он встал, подошёл к окну, за которым в предвечерних сумерках виднелись взлётные полосы и ошетилившиеся зенитными установками крыши. Война шла не только на улицах. Она шла здесь, в этом терминале, в тишине кабинетов, в цифровых сетях. И Мия Рейган, сама того не зная, стала пешкой на этой доске. Но пешка, если её правильно развернуть, могла стать и угрозой для того, кто её выдвинул.

Он повернулся к технику.

— Установи за ней наблюдение. Круглосуточно. Все её контакты, все передвижения. И за тем мужчиной, Айситтом, тоже. Но осторожно. Если она действительно пешка, то над ней наверняка тоже установлен контроль. Не спугните того, кто дергает за ниточки.

Лос-Анджелес. Полночь. Кабинет Зары был похож на центр управления полётами для цифровых призраков. Мерцали экраны шести мониторов, горели синими и зелёными огоньками стойки с серверным оборудованием, воздух гудел от вентиляторов и был переполнен ароматом горячего кофе. Зара, закутанная в огромный худи, сидела в своём анатомическом кресле, её пальцы летали по клавиатуре, а на лице застыла маска сосредоточенной ярости.

Она вошла в систему аэропорта Хамад через бэкдор, оставленный ею же неделю назад — лазейку в устаревшей системе управления вентиляцией. Оттуда она вышла на изолированную сеть службы безопасности, которую курировал Вазири. Найти журнал доступа к той самой флешке было делом техники. Она видела, как устройство подключили к изолированной системе. Видела начало анализа. Они её раскусили. Хорошо. Это означало, что троян не сработал. Но это также означало, что Мия теперь в поле зрения у катарской контрразведки. И что «Янус» — Адриан — скоро узнает о провале, если уже не знает.

Надо было действовать. Её цель была не защитить флешку, а уничтожить в ней вредоносный код, превратив её в бесполезный кусок пластика, очистив Мию от подозрений. Она начала дистанционную атаку на изолированную систему — не взлом, а тонкую, почти ювелирную работу по перепрограммированию микроконтроллера флешки через уязвимость в самом USB-порту ноутбука. Это было рискованно. Если система обнаружит вторжение...

На одном из экранов вспыхнуло красное предупреждение. Тревога. Ее заметили. Не система безопасности аэропорта — их собственная, более продвинутая система слежения, которую установил Вазири. Ловушка с обратным отслеживанием. Проклятье.

Её пальцы замерли на долю секунды. Потом рванулись к другой клавиатуре, чтобы запустить протокол экстренного отступления, стереть следы, обрушить каналы. Но было уже поздно. На главном экране появилось окно текстового чата. Сообщение было на арабском, потом автоматически перевелось на английский.

Прекратите попытку взлома. Идентифицируйте себя.

Это был не автоматический ответ. Это был живой человек на той стороне. Вазири или его люди.

Зара закусила губу. Её мозг лихорадочно работал. Бежать, оборвав связь? Но тогда они всё спишут на кибератаку «Ариадны» или конкурентов. А Мия останется под подозрением как их агент. Нужно было говорить. Но что сказать? Правду? Слишком опасно.

Она набрала ответ, её пальцы были холодными и липкими.

Не взлом. Деактивация. Устройство содержит троян «Ариадны». Цель — скомпрометировать полковника Вазири.

Пауза. Долгая. Потом:

Идентифицируйте себя. Ваши мотивы.

Мотивы. Как объяснить, что она пытается спасти подругу от её воскресшего мужа-маньяка, который вляпался в торговлю оружием? Зара сделала глубокий вдох. Рискнуть.

Зара. Я друг Артура Айситта и Миш Рейган. Троян был передан Мие под принуждением. Я пытаюсь ликвидировать угрозу для неё и для вашей системы.

Ещё более долгая пауза. Казалось, прошла вечность. Потом пришёл ответ, который заставил её сердце ёкнуть.

Полковник Вазири хочет поговорить с вами. Защищенный голосовой канал. Сейчас.

Она откинулась в кресле, чувствуя, как по спине пробежал холодный пот. Это было либо началом конца, либо единственным шансом. Она подключила зашифрованный VoIP, надела наушники.

— Говорите, — раздался в наушниках низкий, спокойный голос с лёгким акцентом. Голос человека, привыкшего командовать и не терпящего суеты.

— Полковник, — сказала Зара, стараясь, чтобы её голос звучал ровно. — Я подтверждаю, что флешка — инструмент «Ариадны» для внедрения в ваши системы. Мия Рейган была использована как курьер под угрозой расправы над Артуром Айситтом.

— Угрозой со стороны кого?

Зара закрыла глаза. Переход Рубикона.

— Со стороны человека, известного вам как «Янус». Его настоящее имя — Адриан Рейган. Он муж Мии. Он должен был быть мёртв.

На другом конце провода наступила тишина. Потом Вазири сказал, и в его голосе впервые прозвучала едва уловимая нота удивления:

— Это... объясняет некоторые несоответствия в его биографии. Продолжайте.

И Зара рассказала. Не всё, но достаточно. О том, что знала о «Янусе» и «Ариадне». О том, как он шантажом держит Мию. О том, что Арт пытается противостоять ему, но они в ловушке. Она говорила чётко, без эмоций, как докладчик, представляющий оперативную сводку. И по мере её рассказа, она чувствовала, как на том конце провода нарастает не гнев, а холодная, расчётливая концентрация.

— Вы предоставляете интересную информацию, мисс Зара, — сказал Вазири, когда она закончила. — Но почему я должен вам верить? Вы только что пытались взломать мою систему.

— Потому что наши цели сейчас совпадают, — быстро ответила Зара. — «Янус» вышел из-под контроля. Он играет в свои игры, ставя под удар вашу операцию и вашу безопасность. Он использует ресурсы «Ариадны» в своих целях, которые, я уверена, не полностью совпадают с вашими контрактными обязательствами. Он угроза. Для вас. И для моих друзей. Я могу помочь его обезвредить. У меня есть доступ к его цифровым следам, к коммуникациям «Ариадны». Но мне нужна помощь на месте. Нужно вытащить Арта и Мию из этой ловушки и дать им шанс нанести удар.

— Вы предлагаете себя в качестве союзника? — в голосе Вазири послышался лёгкий, сухой оттенок. — Кибер-наёмника в обмен на спасение друзей?

— Я предлагаю взаимовыгодное сотрудничество, — парировала Зара. — Вы получаете инструмент для контроля над «Янусом» и доказательства его двойной игры перед вашим командованием и боссами «Ариадны». Я получаю гарантии безопасности для Арта и Мии и возможность помочь вам закончить это. Без меня вы будете играть с ним в тёмную. Он профессионал. И он одержим. Это опасная комбинация.

Молчание снова затянулось. Зара слышала на том конце лишь ровное дыхание.

— Хорошо, — наконец сказал Вазири. — Я согласен на временный альянс. Но на моих условиях. Вы предоставляете мне всю информацию о «Янусе» и «Ариадне» в реальном времени. Вы не предпринимаете самостоятельных действий без моего одобрения. И вы помогаете мне создать для «Януса» такую ситуацию, в которой он совершит фатальную ошибку. Что касается ваших друзей... их безопасность будет обеспечена, но только после того, как «Янус» будет нейтрализован. До этого они остаются в поле. Как приманка и как мои глаза внутри зала.

Зара сглотнула. Это была сделка с дьяволом. Но это был единственный шанс.

— По рукам, — тихо сказала она. — Но если с ними что-то случится...

— Если с ними что-то случится по моей вине, мисс Зара, — холодно перебил её Вазири, — то вам не придётся мстить. «Янус» или его хозяева сделают это за вас. Я не заинтересован в смертях невинных заложников. Начинайте работу. Первое задание: найдите и перехватите план «Януса» на ближайшие 48 часов. Он что-то затевает. И я хочу знать что.

Связь прервалась. Зара сняла наушники, её руки дрожали. Она только что вступила в сговор с иностранным офицером, чтобы уничтожить человека, который когда-то был мужем её лучшей подруги. Мир окончательно перевернулся. Но теперь у неё был союзник на месте. И доступ к системам, о котором она раньше только мечтала. Она повернулась к мониторам, её глаза загорелись новым, холодным огнём. Охота на «Януса» началась по-настоящему.

Ночь в зале снова была непроглядной и густой, как смола. Мия лежала на своём матрасе, но сон не шёл. Она чувствовала флешку на своей совести, как клеймо. Она видела лицо Вазири, его подозрительный, всё понимающий взгляд. И она чувствовала взгляд Арта, который жёг её из темноты, ждал, терпел, но, она знала, не бесконечно.

Мия не могла больше молчать. Не обо всём. Не о том, что происходило по ночам. Этого она не вынесет. Но она должна была дать ему что-то. Ключ. Предупреждение. Признание в том, в чём могла признаться.

Девушка поднялась и пересекла разделявшие их метры пространства, которое за последние дни стало казаться пропастью. Арт лежал на спине, его глаза были открыты и отражали тусклый свет аварийных ламп. Он не пошевелился, когда она опустилась на край его матраса.

— Я должна тебе кое-что сказать, — начала она, и её голос прозвучал хрипло, чужим. — Не перебивай. Пожалуйста.

Он медленно кивнул, его лицо в полумраке было похоже на резную маску из твёрдого дерева.

— Адриан... он шантажирует меня. Не только угрозами тебе. Есть... кое-что ещё. Из прошлого. Из нашего брака. То, о чём я никогда никому не говорила. Даже тебе. — Она сжала руки в кулаки, чтобы они не дрожали. — Он называет это «соглашением». Что-то тёмное, Арт. Что-то, что связывает его, моего отца, его отца... и меня. Я не знаю всех деталей. Но я знаю, что, если это всплывёт, пострадают невинные люди. Или те, кто уже пострадал... их смерть окажется напрасной. Он намекает на это. Говорит, что я должна помнить своё место. Что я — «страховка».

Она замолчала, глотая воздух. Арт лежал неподвижно, но она видела, как напряглись мышцы его челюсти.

— Что это за соглашение? — спросил он тихо, без интонации.

— Я не знаю точно! — вырвалось у неё, и в голосе прозвучала истеричная нота. Она тут же взяла себя в руки, понизив голос до шёпота. — Но это связано с бизнесом наших отцов. С чем-то незаконным. И с... со смертью моей матери. Адриан намекал, что её смерть не была естественной. И что я, выйдя за него, стала частью сделки, чтобы это скрыть. Я думала, он говорит это, чтобы запутать меня. Но теперь... теперь я не уверена. Я боюсь, Арт. Я боюсь не только за тебя. Я боюсь того, что могу узнать. И того, что он заставит меня сделать, чтобы это осталось тайной.

Она выдохнула, чувствуя, как слёзы снова подступают, но не давая им пролиться. Признание, даже такое частичное, принесло странное облегчение. Теперь он знал, что дело не только в ревности или желании обладать. Дело было в чём-то гораздо более грязном и глубоком.

Арт медленно поднялся, сел, чтобы быть с ней на одном уровне. Он не пытался её обнять. Он смотрел ей в глаза, и его взгляд был твёрдым, как сталь.

— Мия. Что бы это ни было. Что бы ни случилось в прошлом. Ты не виновата. Ты была пешкой в их игре. Ты всегда была пешкой. Сначала у отца, потом у него. Но теперь ты не одна. — Он протянул руку, и его пальцы осторожно, как будто боясь спугнуть, коснулись её щеки. — Я клянусь тебе. Я защищу тебя. От него. От прошлого. От всего. Но для этого мне нужна вся правда. Вся. Не защищай меня, скрывая что-то. Самый страшный враг — тот, которого не знаешь.

Его прикосновение было тёплым и шершавым, и от него по её коже разбежались мурашки. Это был не сексуальный жест. Это был жест обладания другого рода — обладания доверием, ответственностью. И в этот момент ей захотелось выложить всё. Рассказать про ночные визиты, про его прикосновения, про то, как её собственное тело предаёт её. Но слова застряли в горле комом стыда и страха. Если он узнает, какая она «испорченная», как говорил Адриан, он отвернётся. Или, что хуже, пойдёт на конфронтацию, и Адриан убьёт его.

— Я... я не могу, — прошептала она, отводя глаза. — Не сейчас. Не здесь. Это... это слишком опасно. Если он заподозрит, что я тебе всё рассказала... — она снова посмотрела на него, и в её глазах стоял животный ужас, — он исполнит свою угрозу. Без колебаний. Он уже не тот человек, которого мы знали, Арт. Он стал чем-то другим. Холодным. Как машина.

Арт смотрел на неё, и она видела, как в его глазах борются ярость, боль и понимание. Он видел, что она сломлена. И что она, даже сломленная, пытается защитить его.

— Хорошо, — сказал он наконец, и его голос был полон невысказанной горечи. — Не сейчас. Но когда будет можно... ты расскажешь мне. Всё. А до тех пор... мы будем играть по его правилам. Но будем искать слабое место. У каждого оно есть.

Он отнял руку от её щеки, но его взгляд по-прежнему держал её. В этой тишине, среди храпа и всхлипываний тысячи незнакомцев, между ними протянулась новая, прочная нить — нить совместного заговора. Они были больше не жертва и спаситель. Они стали сообщниками в тихом, отчаянном сопротивлении.

— Он дал тебе задание с флешкой, — не спросил, а констатировал Арт. — Что теперь?

— Я выполнила. Передала Вазири. — Она помолчала. — Но я предупредила Зару. Она... что-то сделала с флешкой. Надеюсь, это поможет.

Арт кивнул, и в уголке его рта дрогнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку.

— Значит, Зара в игре. Это хорошо. Это очень хорошо. — Он взглянул куда-то поверх её головы, в темноту, и его глаза стали острыми, как у хищника, учуявшего запах крови. — Значит, у нас появился союзник снаружи. И, возможно, внутри.

Он имел в виду Вазири. Мия поняла это без слов. И поняла, что Арт уже строит планы, уже видит контуры поля боя. Он не сдался. Он перегруппировывался.

— Что мы будем делать? — спросила она, и в её голосе впервые за много дней прозвучала не паника, а решимость.

— Ждать. Смотреть. И быть готовыми, — сказал Арт. — Он совершит ошибку. Самовверенные всегда её совершают. А когда он это сделает... мы будем там. Вместе.

Она снова лег, потянул одеяло. Мия осталась сидеть на краю матраса, глядя на его профиль. Её душа действительно разрывалась на части. Между любовью к этому молчаливому, сильному человеку, который не сломался, и страхом перед другим, который сломал её. Между стыдом за своё молчание и ужасом перед правдой. Но теперь, в этой тишине, к этой смеси добавилась новая, крошечная искра — искра надежды. Не на спасение. На возмездие.

Она легла рядом с ним, не касаясь, но чувствуя исходящее от него тепло. И впервые за многие ночи её веки тяжелеют не от изнеможения, а от усталости, которая, возможно, могла перейти в сон. Недолгий, тревожный, но сон. Потому что она была не одна. И битва, которая казалась проигранной, только начиналась. А завтра, она знала, Адриан снова позовёт её. И ей снова придётся надеть маску покорной жены. Но под маской теперь будет гореть этот крошечный, яростный огонёк. Огонёк ненависти и надежды.

Глава 11

Двадцать два года назад.

В кабинете Джулиана Спенсера пахло старым деревом, дорогим коньяком и страхом. Страх был новым запахом, ворвавшимся сюда недавно, поселившимся в складках тяжёлых портьер и вьёвшимся в кожу кожаного кресла за массивным дубовым столом. Джулиан сидел в этом кресле, но не чувствовал себя хозяином. Он чувствовал себя подсудимым. Напротив, в кресле для гостей, полулёжа, расположился Николас. Он не пил коньяк. Он курил тонкую сигару, выпуская дым колечками, которые медленно расплзались в неподвижном воздухе.

— Не могу больше, Ник, — голос Джулиана звучал надтреснуто, он говорил в пространство между своими сцепленными пальцами. — Эти постоянные переводы, эти фиктивные контракты, эти... люди, которые приходят и ничего не говорят, только смотрят. Я не спал три месяца.

Николас наблюдал за ним с ленивым, почти отеческим интересом, как энтомолог наблюдает за редким, бьющимся о стекло насекомым.

— Нервы, Джей. Всегда у тебя были слабые нервы. Именно поэтому ты был прекрасным аналитиком и никудышным партнёром. Ты считал цифры, пока я строил мосты в мирах, где цифры — это лишь пыль под ногами.

— Это не анализ! Это отмывание денег для... я даже не знаю для кого! И речь уже не о процентах с государственных контрактов. Ты втянул нас во что-то тёмное, Николас. Я хочу выйти. Чисто. Забрать свою долю и уйти.

— Выйти? — Николас усмехнулся беззвучно, лишь уголок его рта дрогнул. — Мой дорогой друг. Ты в этой игре не по колено, а по самое горло. Выход отсюда один. Вверх. Или вниз. Третьего не дано.

Джулиан поднял на него глаза, и в этих глазах, обычно таких расчётливых, стояла животная мольба.

— Дай мне шанс. Я всё отдам. Просто отпусти меня и мою семью.

— Семья, — Николас растянул слово, сделав очередное колечко дыма. — Вот оно что. Твоя слабость всегда была в эмоциях. Хорошо. Давай поговорим о семье. О выходе. Есть один. Старый, как мир. Стать семьёй. По-настоящему.

Джулиан замер, не понимая.

— Что?

— Твой долг, Джей. Твой долг перед нашим общим делом — это твоя дочь. Мия. Прекрасная, умная, воспитанная девочка. Мой Адриан... он в неё влюблён. Или будет влюблён, если направить его интерес в нужное русло. Она выйдет за него. И тогда наши активы, наши... обязательства, всё это сольётся в одно. В одну семью. Это будет наша страховка. Крепкая, нерушимая. Ты будешь не партнёром, которого можно выкинуть. Ты будешь тестем. Отцом моих внуков. Вот твой чистый выход.

Джулиан побледнел. Его пальцы впились в подлокотники.

— Ты... ты не можешь быть серьёзен. Они же не знакомы. Мия...

— Познакомятся, когда придет время, — мягко перебил Николас. — И будут встречаться. Адриан знает, как добиться своего. А ты, как любящий отец, будешь ему в этом помогать. Будешь рассказывать дочери, какой он замечательный, надёжный парень. Какое у них светлое будущее. — Он наклонился вперёд, и вся ленивая небрежность исчезла с его лица, осталась только стальная, неумолимая воля. — Потому что альтернатива, Джей, тебе не понравится. Представь: твоя жена, твоя драгоценная Кэтрин, случайно узнаёт не только о наших финансовых проделках, но и о твоих... девичьих увлечениях на стороне. О тех красотках в гостиничных номерах, счета за которых я оплачивал из чёрной кассы. Она узнает всё. И она

заберёт дочерей, состояние, оставит тебя в дерьме по уши и с позором на всю жизнь. А может... — он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание, как яд, — а может, с её слабой психикой такое потрясение окажется фатальным. Сердечный приступ в таком юном возрасте... какая трагедия.

Тишина в кабинете стала ледяной и звонкой. Джулиан сидел, превратившись в статую из холодного пота и ужаса. Он смотрел в глаза Николасу и видел там не шантажиста, не злодея из фильма. Он видел делового партнёра, предлагающего единственное логичное решение. И это было в тысячу раз страшнее.

— Ты... ты не посмеешь, — выдавил он хрипло.

— Я не сделаю ничего сам, — поправил его Николас, откидываясь назад, снова становясь благодушным. — Но мир, Джей, такой опасный. Непредсказуемый. А у тебя, друг мой, слишком много секретов, чтобы играть в моралиста. Итак? Что выбираешь? Светлую свадьбу дочери и продолжение нашего процветания? Или хаос, нищету и... возможную потерю? Решай. Но знай: если ты откажешься, разговор наш сегодня — последний. Завтра начнётся война. И первым полем битвы будет твой собственный дом.

Он встал, отряхнул пепел с идеально отглаженных брюк, потушил сигару в хрустальной пепельнице Джулиана.

— Подумай. Но недолго. У меня есть другие дела. А у Адриана — другие девушки. Хотя ни одна из них не сравнится с твоей Мией. В ней есть... стержень. Как и у её матери. Жаль, что она им не воспользуется.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой. Джулиан сидел неподвижно ещё долго, пока сумерки не заполнили комнату, и лицо его в темноте было похоже на лицо человека, только что подписавшего договор с дьяволом и осознающего, что чернила уже не смыть. Он выбрал. Конечно, он выбрал. Он всегда выбирал путь наименьшего сопротивления. Или тот путь, что ему указывали сильные. На этот раз сильным был Николас. А платить по счётчику должна была Мия.

Тринадцать лет назад.

Давление было мягким, настойчивым, как морской прилив, подтачивающий скалу. Оно не было в криках или угрозах. Оно было в каждом разговоре за завтраком, в каждом взгляде отца, когда она упоминала об учёбе или своих планах на лето.

— Адриан звонил, — говорил Джулиан, разворачивая газету. — Приглашает в театр. У него ложа. Вежливый молодой человек. Сейчас таких мало.

— Папа, у меня сессия.

— Сессия сессией, а светское воспитание тоже важно. Ты не будешь вечно сидеть в библиотеке. Тебе нужно... нужны правильные связи.

Он начал чаще приглашать Адриана в дом. Тот приходил со сладостями для сестры Мии, Ами, и дорогими, но не кричащими подарками для самой Мии — редкое издание книги, на которую она случайно намекнула, билеты на выставку импрессионистов. Он был очарователен. Внимателен. Говорил о политике, искусстве, бизнесе. Он был воплощением того мужчины, о котором мечтают для дочери такие отцы, как Джулиан Спенсер. И Мия, с её юной, ещё не закалённой подозрительностью, поддавалась этому обаянию. Ей льстило внимание такого человека. Он был как герой из другого, более блестящего мира.

Но где-то на глубине, в самом подсознании, жил крошечный червь сомнения. Его внимание было слишком сфокусированным. Его комплименты были слишком отточенными. И когда он смотрел на неё, в его тёмных глазах она видела не влюблённость, а расчёт. Как будто он читал инструкцию к сложному прибору, который должен был идеально работать.

— Он из хорошей семьи, — повторял отец, когда они оставались наедине. — У него большое будущее. С ним ты будешь как за каменной стеной. Он обеспечит тебе стабильность, положение в обществе. Что ещё нужно для счастья?

Он говорил это так часто, что слова стали терять смысл, превращаясь в мантру. «Хорошая семья. Большое будущее. Каменная стена». Мия смотрела на бабушку, надеясь найти в её глазах поддержку или хотя бы намёк. Но бабушка смотрела на Адриана с холодной, непроницаемой вежливостью, а на отца — с чем-то, что Мия тогда не могла распознать. Теперь она понимала — это была жалость, смешанная с презрением.

Однажды вечером, после очередного ужина с Адрианом, когда он ушёл, а Амалия ушла в спальню, Джулиан позвал Мию в кабинет. Он выглядел старым и очень усталым.

— Мия, дочка. Ты видишь, он серьёзно настроен. Николас... семья Рейганов... они нас очень поддерживают. Особенно после... после всех сложностей с бизнесом. Этот союз был бы... логичным. И правильным. Для всех нас.

В его голосе не было отеческой нежности. Была мольба. Мольба загнанного в угол человека. И она, его дочь, выросшая в атмосфере молчаливого послушания, восприняла это как долг. Как необходимость. Она думала, что спасает отца от каких-то финансовых проблем. Что укрепляет семью. Она не знала, что спасает его от разоблачения и, возможно, от тюрьмы. И что её мать уже пала жертвой на этом алтаре «семейного благополучия».

Она сказала «да». Не потому, что была безумно влюблена. Потому что устала сопротивляться. Потому что все вокруг — отец, друзья, даже общество — твердили, что это блестящая партия. Потому что рядом всегда был Арт, но он казался тогда частью другого мира — мира простоты, честности и праздности, мира, который её отец презирал. Она выбрала внешний лоск и долг семье. Не зная, что под ним — ржавчина и гниль.

Накануне свадьбы, когда её охватил панический, необъяснимый страх, она прибежала к Арту. И он, её каменная стена на самом деле, держал её, и его сердце разбивалось. Но она не увидела этого. Она увидела только его студенческую комнату, его домашнюю одежду, его тихую, дружескую поддержку, и решила, что Арт всегда воспринимал ее как друга. Она надела кольцо с изумрудом, подаренное Адрианом, и почувствовала, как холод металла проникает прямо в кость. Это был не символ любви. Это было клеймо собственности. И первое звено в цепи, которая приведёт её сюда, в этот аэропорт, тринадцать лет спустя.

Сейчас.

Его нашли не в толпе, а на границе — там, где зона для заложников переходила в коридоры для персонала, охраняемые уже не катарскими солдатами, а людьми в камуфляже без опознавательных знаков. Людьми «Ариадны». Мия шла обратно от туалетов, опустив голову, стараясь ни с кем не встречаться глазами, когда чья-то рука мягко, но неотвратимо взяла её за локоть и потащила в сторону, в нишу с автоматами для продажи воды.

Она вскрикнула от неожиданности и страха, готовая вырваться, но голос, тихий и хриплый, остановил её.

— Тише, детка. Тише. Это я.

Она подняла голову. Человек в форме консультанта «Ариадны» — не такая вычурная, как у Адриана, а более официальная, с нашивками, но без имени. Лицо... лицо было знакомым. Оно сильно похудело, кожа натянулась на скулах, губы стали тонкими, бескровными. Но глаза. Добрые, печальные глаза, которые когда-то смотрели на неё с немой жалостью на похоронах мужа. Николас.

Он изменился. Исчезла та барская небрежность, та уверенность патриарха. В его осанке была выправка, но не природная, а вымученная, как у человека, заново научившегося ходить после тяжёлой болезни. Он выглядел старше своих лет и бесконечно уставшим.

— Вы... — прошептала Мия, не в силах произнести его имя.

— Ш-ш. Не здесь. — Его глаза метнулись по сторонам. — У нас есть две минуты, пока его люди на смене. Слушай меня внимательно. У меня нет права просить прощения. Но я должен это сказать. Прости меня. Я должен был остановить это. Ещё тогда.

Он говорил быстро, отрывисто, его взгляд не отрывался от её лица, как будто он пытался запечатлеть его в памяти навсегда.

— Я не хотел, чтобы твою мать убили. Она была... светлым человеком. И она была против. Против брака, против наших дел. Она догадывалась. Не обо всём, но достаточно. И она сказала «нет». Громко и чётко. Джулиан струсил. А я... — он сглотнул, и его кадык болезненно дёрнулся, — я отдал приказ. Чтобы она получила не те лекарства. Её витаминные препараты подменили на... на другие. Без шума. Без следов. «Остановка сердца». Я думал, это будет чисто. Что это избавит всех от проблем. Но это было убийство. И с тех пор я ношу его здесь. — Он ударил себя кулаком в грудь, прямо над сердцем.

Мия стояла, не в силах пошевелиться. Его слова не шокировали её. Они падали на уже подготовленную, выжженную почву её подозрений. Они были логичным завершением кошмара. Но от этого не становилось легче. Это делало кошмар реальным, осязаемым. Перед ней стоял убийца её матери. И он говорил об этом с такой мукой, что в это почти можно было поверить.

— Я видел, как Адриан ломает тебя. Год за годом. И молчал. Потому что боялся? Нет. Потому что был частью системы, которая это породила. Я думал, так и должно быть. Что ты... страховка. Наш общий грех. Но потом... потом он «умер». И я увидел, как ты ожила. Как ты стала той, кем должна была быть — сильной, независимой. И я понял, что мы с Джулианом погубили не только Кэтрин. Мы убили и часть тебя. Я пытался всё исправить. Отправил тебе дневник. Анонимно. Чтобы ты узнала правду. Чтобы у тебя было оружие против нас. Против него. Ты нашла исполнителей, но не нашла заказчика...

Дневник. Курьер в шлеме. Это был он. Она смотрела на него, и её переполняла гремучая смесь из ненависти, жалости и леденящего ужаса.

— А теперь... теперь он сошёл с ума, — голос Николаса стал ещё тише, почти шёпотом. — Его «смерть» не была просто исчезновением. Это был ритуал посвящения. В мир, где нет правил. Где он — бог. Он здесь не для операции по стабилизации. Он здесь, чтобы захватить потоки оружия, смести всех, включая своих старых покровителей в «Ариадне». Он строит свою империю на песке и крови. И ты... — его рука дрогнула, он хотел коснуться её плеча, но не посмел, — ты его главный козырь. Не только против Вазири или конкурентов. Ты — козырь против меня. Потому что он знает, что моя совесть... о, какое смешное слово... не вынесет, если с тобой что-то случится по его вине. И ты — козырь против Артура. Потому что, пока Артур жив и рядом, ты не полностью под контролем. Адриан не терпит полумер.

Он умолк, переводя дух. Его глаза блеснули в полумраке ниши.

— Я не могу остановить его силой. У него здесь больше людей. Он... он стал чем-то нечеловеческим. Но я могу дать тебе информацию. Расписание патрулей его людей. Время, когда он уезжает в город на встречи. Схемы складов, где хранится не «гуманитарка», а реальный груз. Используй это. Беги. Или дерись. Но делай это с умом. И помни: он не пощадит. Ни тебя, ни Артура, ни меня, в конце концов. Для него мы все — теперь расходный материал в великой игре Адриана Рейгана. Или Януса. Как он себя теперь называет.

Из дальнего конца коридора донёсся звук шагов. Николас вздрогнул, его лицо исказилось паникой.

— Мне пора. Если он узнает... — он сунул ей в руку маленький, свёрнутый в трубочку листок бумаги. — Спрячь. И не доверяй никому. Даже Вазири. У каждого здесь своя игра.

Он резко развернулся и зашагал прочь, растворившись в полутьме служебного коридора, как призрак из её прошлого, явившийся, чтобы окончательно его разрушить.

Мия стояла, сжимая в потной ладони бумажку. В ушах гудели его слова. «Я отдал приказ». «Он сошёл с ума». «Ты — козырь». Всё, что она подозревала, всё, чего боялась, оказалось правдой. Горькой, чудовищной, окончательной правдой. И теперь у неё в руках была не только

эта правда. У неё были данные. От человека, который убил её мать, а теперь хочет спасти её от человека, который был её мужем.

Ирония была настолько чёрной, что хотелось рассмеяться или закричать. Она не сделала ни того, ни другого. Она разжала пальцы, взглянула на свёрток. Потом спрятала его в самый потайной карман, за молнию на поясе джинсов. Потом медленно, как лунатик, пошла обратно в зал, к Арту. К своему настоящему. К тому, кого, возможно, ей тоже придётся обмануть, чтобы спасти. Потому что игра, как сказал Николас, только начиналась. И ставки в ней стали ещё выше. Теперь на кону была не только их жизнь, но и её душа, которая только что получила последний, смертельный удар. И которая, возможно, уже не могла быть спасена.

Глава 12

Пустота была не внутри, а снаружи — плотной, вязкой субстанцией, обволакивающей каждый звук, каждый вздох, каждый удар сердца. Мия стояла у запылённого окна, смотрела на взлётную полосу, где редкие огни пробивались сквозь песчаную дымку, поднятую вертолётами, и чувствовала, как реальность медленно отслаивается от неё, как старая краска от гниющей деревянной поверхности. Каждый слой, отрываясь, открывал под собой не новую фактуру, а ту же самую гниль, только глубже и чернее.

Её жизнь оказалась ложью, написанной поверх стёртых истин. Брак — не союз, а бухгалтерская проводка в сделке двух взрослых мужчин. Мать — не жертва болезни, а статистика в чьём-то холодном расчёте. Любовь — не чувство, а патол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.